

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Кафедра иностранных языков инженерной академии
ШКОЛА ДИДАКТИКИ ПЕРЕВОДА

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 378.016:811.111 '25'276.6

ББК 81.1

П84

Рецензенты:

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Инженерной академии Российского университета
дружбы народов (РУДН)

Елена Анатольевна Должич;

канд. филол. наук, доцент, доцент Инженерной академии
Российского университета дружбы народов (РУДН)

Оксана Георгиевна Аносова

Профессионально ориентированный перевод:

П84 **реальность и перспективы : сборник научных трудов /**
отв. ред. Н. Н. Гавриленко. – Вып. 21. – Чебоксары : Среда,
2026. – 128 с.

ISBN 978-5-908172-14-1

Сборник по итогам выступлений на конференции
«Профессионально ориентированный перевод: реальность и
перспективы».

Статьи посвящены новым подходам к переводоведению и
методике преподавания перевода в технических неязыковых
вузах. Будет интересен широкому кругу лиц.

Ответственность за содержание своих работ несут авторы.

© Коллектив авторов, 2026

© Школа дидактики
перевода Н.Н. Гавриленко, 2026

© Российский университет
дружбы народов,
издательство, 2026

© ИД «Среда», оформление, 2026

ISBN 978-5-908172-14-1

DOI 10.31483/a-10914

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Андрющенко И.С., Соломатина А.Р.</i> Трудности и общие принципы перевода лингвокультурной информации в художественных текстах	9
<i>Бай Юе.</i> Обучение противопоставлению однократности и многократности действия в практике преподавания РКИ	20
<i>Кадилина О.А.</i> К вопросу о некоторых англоязычных медицинских терминах, представляющих произносительную сложность в обучении переводу	25
<i>Комаристая Д.А.</i> Стилистическая выразительность и переводческие трансформации в предвыборном политическом дискурсе США	39
<i>Корзин А.С.</i> Перевод терминологических коллокаций в аэрокосмическом дискурсе с английского на русский: структурные и семантические особенности	45
<i>Кулиева М.Д.</i> Блог-технология при формировании переводческой компетенции специалиста службы протокола	57
<i>Ли Сюэ.</i> Цифровые инструменты в преподавании перевода: на материале лексики, репрезентирующей концепт «пища» в русском и китайском языках	68
<i>Лядова О.Н., Билялова А.А.</i> Трансляция реалий произведения М.А. Шолохова «Тихий Дон» с использованием искусственного интеллекта ChatGPT-5.2	74
<i>Петренко Б.П., Ремхе И.Н.</i> Большие языковые модели как новый переводческий инструмент в рамках модели человек в контуре	85
<i>Скворцов А.В.</i> Трудности перевода танских стихотворений на материале произведения Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду»	96
<i>Суаснаvas Лагос К.В.</i> Вызовы и препятствия при переводе с испанского языка на русский и обратно с учётом широкого спектра вариантов испанского языка	110
<i>Урюпина А.Д.</i> Влияние экстралингвистических факторов на формирование архитектурной терминологической системы	118
СПИСОК АВТОРОВ	124

Редакционная коллегия

Руководитель Школы «Дидактика перевода», д-р пед. наук., проф. каф. иностранных языков инженерной академии РУДН – *Н.Н. Гавриленко (ответственный редактор);*

зав. каф. иностранных языков инженерной академии РУДН, доц., канд. пед. наук *С.В. Дмитриченкова (зам. ответственного редактора);*

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков инженерной академии РУДН, *Е.А. Должич;*

д-р филол. наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, *И.В. Тивьяева;*

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков Московский городской педагогический университет, *К.С. Карданова-Бирюкова;*

д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германских языков и перевода, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет, *Л.А. Нефедова.*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник составлен по итогам конференции «Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы», которая проходила 13–15 апреля в 2026 году. Работа этой конференции началась с круглого стола «Эффективные стратегии интеграции информационных технологий и искусственного интеллекта в процесс обучения переводу». Выбор темы не случаен: именно 2026 год стал отправной точкой для широкого внедрения нового мирового образовательного стандарта – «обучение в цифровом мире». Перед высшей школой, и особенно перед дидактикой переводческой деятельности, встал вопрос не просто о модернизации, а о смене самой философии подготовки специалиста.

Участники круглого стола – ведущие учёные, преподаватели и практикующие переводчики – констатировали объективную реальность: искусственный интеллект и современные информационные технологии перестали быть вспомогательными инструментами. Они стали равноправным, а иногда и доминирующим агентом на рынке переводческих услуг. В связи с этим центральной метафорой обсуждения, предложенной модератором, стал образ **«кентавра»** – человекомашинного симбиоза, при котором ни одна из сторон не доминирует, но их связка даёт результат, недостижимый по отдельности.

Ключевым вызовом, озвученным в ходе дискуссии, стало исчезновение «учебного объёма»: рутинные жанры, на которых десятилетиями новички набивали руку, сегодня переводятся нейросетями за секунды. Рынок перестаёт прощать средний уровень и требует от специалиста не просто языковой компетенции, а умения спорить с машиной, перепроверять её «галлюцинации» и брать на себя смысловую ответственность за финальный продукт.

Участники круглого стола

Модератор:

• **Наталья Николаевна Гавриленко** – научный руководитель Школы дидактики перевода, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Инженерной академии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы.

Спикеры и эксперты:

• **Ирина Владимировна Тивьяева** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения, заместитель директора Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

• **Елена Сергеевна Коканова** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой технологий и автоматизации перевода Северного (Арктического) федерального университета.

• **Максим Викторович Берендяев** – операционный директор, первый заместитель генерального директора бюро переводов «АКМ-Вест», доцент базовой кафедры технологий и автоматизации перевода Северного (Арктического) федерального университета имени Михаила Васильевича Ломоносова.

• **Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

• **Илья Анатольевич Мищенко** – практикующий переводчик, Управляющий директор переводческой компании «Литерра».

Основные направления работы и выводы

В сборнике нашли отражение три основных блока проблем, вынесенных на обсуждение.

Первый блок посвящён дидактике перевода в эпоху ИИ. Участники пришли к выводу, что преподаватель должен перестать быть «надзирателем за текстом» и превратиться в «наставника по управлению качеством». Центральными становятся не умения перевода в чистом виде, а компетенции постредактирования, экспертного промптинга и верификации машинных результатов. Особо остро встал вопрос о судьбе классического переводческого ремесла: как,

не размывая базовой компетенции, встроить в учебный процесс обязательное постредактирование и работу с нейросетями начиная со второго курса.

Второй блок – инструментальный и практический. Здесь обсуждались конкретные кейсы использования САТ-систем, больших языковых моделей на этапах предредактирования и постредактирования, а также возможности ИИ как помощника преподавателя для снятия рутины (генерация упражнений, глоссариев, тестов). Участники констатировали серьёзный инфраструктурный разрыв между вузами: одни имеют собственные языковые модели и персонализированные траектории обучения, другие ограничены бесплатными чат-ботами с чужими приоритетами. Прозвучал запрос на бюджетирование закупок профессиональных ИИ-инструментов для учебных целей.

Третий блок затронул этические дилеммы и проблему академической честности. Ключевым стал переход от политики запретов к политике прозрачности: студент не должен скрывать факт использования ИИ, а обязан декларировать его (с указанием промптов и логики работы), отвечая при этом за финальный продукт. Также обсуждался «цифровой разрыв» между поколениями преподавателей и студентов. В качестве практической рекомендации предложено создание систем тьюторства (студенты-волонтёры как помощники) и переориентация курсов повышения квалификации с изучения «кнопок» на снятие психологического барьера.

Отдельную ценность проведенного круглого стола придают методические приложения – серия упражнений на принципах «кентавр-перевода»: спор с нейросетью, обратный инжиниринг промпта, постредактирование как игра «найди ляп», проектное задание «Мой личный переводной кентавр». Все они направлены на формирование главного качества переводчика будущего – способности управлять технологией, а не подчиняться ей.

Итогом работы круглого стола стал перечень конкретных практических рекомендаций для трёх адресных групп: для преподавателей (сместить фокус с правильности текста на обоснованность редакторских решений), для разработчиков образовательных программ (ввести обязательные модули по постредактированию и ИИ в лингвистике) и для организаторов конференций и курсов повыше-

ния квалификации (перейти от общих обзоров ИИ к узким методикам: «Как проверять домашнее задание, если оно сделано нейросетью?», «Юридические аспекты использования ИИ в ВКР» и др.).

Участники круглого стола выражают уверенность, что представленные в сборнике материалы помогут преподавателям, методистам и руководителям образовательных программ не просто адаптироваться к новой реальности, а вернуть образованию его главную ценность – человека, который умеет учиться всю жизнь и брать на себя ответственность там, где машина остаётся лишь инструментом.

Спасибо всем участникам конференции! До новых встреч!

Наталья Николаевна Гавриленко

ТРУДНОСТИ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Андрющенко И.С.

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Инженерной академии Российского университета
дружбы народов
г. Москва

Andryushchenko-is@rudn.ru

Соломатина А.Р.

педагог дополнительного образования
кафедры иностранных языков
Инженерной академии Российского университета
дружбы народов
г. Москва
solomatina-ar@rudn.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме перевода лингвокультурной информации в художественных текстах. Авторы рассматривают основные трудности, возникающие при переводе, среди которых выделяются различия в историческом развитии, географическом положении, религии, образе мышления, а также культурных и бытовых традициях стран языка оригинала и языка перевода. Особое внимание уделяется анализу переводческих приёмов, позволяющих преодолеть эти сложности: транскрипции и транслитерации, калькированию, описательному переводу, подбору аналогов и трансформации.

Ключевые слова: лингвокультурология, переводческие трансформации, культурные реалии, транскрипция, калькирование, межкультурная коммуникация.

DIFFICULTIES AND GENERAL PRINCIPLES OF TRANSLATING LINGUOCULTURAL INFORMATION IN LITERARY TEXTS

Andryushchenko I.S.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Academy of Engineering, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University)
Moscow

Andryushchenko-is@rudn.ru

Solomatina A.R.

Additional Education Teacher

Department of Foreign Languages

Academy of Engineering, Peoples' Friendship

University of Russia (RUDN University)

Moscow

solomatina-ar@rudn.ru

Abstract: *the article addresses the problem of translating linguocultural information in literary texts. The authors examine the main difficulties that arise in translation, including differences in historical development, geographical location, religion, worldview, as well as cultural and everyday traditions of the source and target language countries. Special attention is paid to the analysis of translation techniques that help overcome these challenges: transcription and transliteration, calquing (loan translation), descriptive translation, analogue substitution, and transformation.*

Key words: *linguoculturology, translation transformations, cultural realia, transcription, calquing, intercultural communication*

Художественный перевод занимает особое место в переводческой практике, он требует от переводчика не только безупречного владения языковой парой, но и глубокого понимания культурных особенностей, менталитета и традиций носителей языка-источника и языка-перевода.

Проблема передачи лингвокультурной информации в художественных текстах остаётся одной из наиболее сложных и актуальных в современном переводоведении. Язык неразрывно связан с культурой: он является её зеркалом, отражающим исторический путь народа, его обычаи, верования, географическую среду обитания и образ мышления. В связи с этим перед переводчиком встаёт двойная задача: с одной стороны, сохранить содержательную и стилистическую целостность оригинала, с другой – адаптировать текст для восприятия читателем, принадлежащим к иной культурной традиции. Недостаточное внимание к культурному контексту может привести к искажению смысла, потере эмоциональной окраски или полному непониманию заложенных автором идей.

В условиях расширения культурных контактов между Востоком и Западом, в частности между Китаем и англоязычными странами,

понимание специфики передачи культурно-маркированной лексики приобретает особое значение.

Отношения между языком и культурными аспектами изучает лингвокультурология. Она исследует то, как отразились в языке проявления культуры того или иного народа. Само понятие «лингвокультура» считается относительно новым в теории перевода, однако в последнее время оно становится все более распространенным в лингвистическом дискурсе. К лингвокультурной информации можно отнести культурные традиции, обычаи, имена, предметы быта и повседневной жизни и т.д.

Сейчас лингвисты и переводчики все больше осознают неделимую связь между языком и культурой, и в связи с этим особое внимание уделяется вопросу адаптации и перевода лингвокультурной информации. Поэтому для переводчика очень важно разбираться в различиях и сходствах между двумя культурами языковой пары. Таким образом, переводчик должен обеспечить не только точную передачу смысла с сохранением стиля оригинального текста, не забывая при этом максимально приблизить переведенный текст к языку автора и не теряя эмоциональности художественной речи, но и также сохранить культурные и национальные особенности оригинала.

Трудности, с которыми сталкивается переводчик в своей работе, часто связаны с культурными различиями. Например, нам часто бывает сложно оценить по достоинству шутку на иностранном языке, даже при условии, что мы поняли ее смысл, только потому, что нас окружает другая культурная среда. Причины, вызывающими такие затруднения, могут быть связаны с различиями в образе мышления, религии, истории, географическом положении, обычаях и т.д. Поскольку имя собственное имеет свой локальный колорит, переводчик должен стремиться к тому, чтобы как можно более точно передать его в переводе, выполнить эту задачу возможно, сохраняя звукографическую оболочку заимствованного имени собственного. В наше время в связи с возрастающей тенденцией к точности документации сохранение исходной звукографической оболочки заимствованного собственного имени приобретает особую важность. «Стремление как можно точнее передать звуковой (или буквенный) состав имени собственного средствами принимающего языка предполагает применение транскрипции» [1, с. 86].

Далее рассмотрим данные причины немного подробнее.

Так, одной из самых распространенных причин, является различие в историческом развитии страны. Исторический путь, исторические события, исторические личности – всё это имеет огромное влияние на картину мира и восприятие людей, живущих в той или иной стране [8, с. 1295]. Поэтому незнание каких-либо исторических фактов может негативно отразиться на переводе. Например, “Reconstruction era”, как известно, речь идет о периоде так называемой «реорганизации» Юга (1867–1877). Этот период, который довольно часто освещается в художественных произведениях, например в романе М. Митчел «Унесенные ветром», всегда воспринимался ортодоксальными южанами как время их величайшего унижения, как самая темная эра в истории Юга. Поэтому перевод «восстановление Юга» не отражает смысл реалии. В связи с этим, может возникнуть ошибка в переводе, причиной которой станет незнание исторических реалий. Таким образом, переводчику необходимо обладать достаточными историческими знаниями, описываемого периода.

Также еще одной причиной является географическое положение. Географический фактор играет важную роль в жизни людей, он формирует культуру, которая тесно связана с повседневной жизнью и бытом. Так, культурные различия, на которые повлияло географическое положение, можно хорошо проследить на примере Великобритании и Китая. Великобритания – островная страна, поэтому жизнь и быт британского народа тесно связаны с морем. Особенно сильно это отражается на идиомах и фразеологизмах. Например, в Великобритании часто употребляют идиому “cold fish”, когда говорят о бесчувственном человеке. В то время как в Китае, расположенном в Восточной Азии, культура больше связана с суши и землей [6, с. 98]. Также большое влияние имеют климатические условия и разнообразие флоры и фауны. К примеру, климатические условия в Китае идеально подходят для выращивания бамбука. В связи с этим китайскую поговорку «雨后春笋» можно перевести как «молодой бамбук после дождя», речь идет о чем-то быстро появляющемся или развивающемся. Английским же вариантом данной фразы будет “to spring up like mushrooms”, то есть «выросли как грибы».

Другая не менее распространённая причина – это различия в вероисповедании и религии. Религия – это один из важнейших столпов каждой страны и каждого народа, который имеет огромное влияние на мировоззрение людей. Религиозная вера является неотъемлемой частью социальной культуры и общественной жизни, и поэтому её влияние также очевидно отражается на языке [6, с. 99]. Большое количество людей в Великобритании исповедует христианство. В связи с этим переводчики часто сталкиваются с отсылками к Библии и упоминанием Бога, что может вызвать некоторые затруднения при переводе. В то время как в Китае широко распространены буддизм и такие религиозные учения как даосизм и конфуцианство, что тоже отражается на языковой среде. Приведем самый простой пример того, как незнание религиозных реалий может привести к переводческим ошибкам. Так, такая часто употребляемая фраза как «Слава Богу» на английском будет звучать “Thank God”, т.е. «Спасибо Богу», а на китайском языке – «谢天谢地», что дословно можно перевести как «спасибо Небесам и Земле». Очевидно, что при переводе предположим с китайского на английский, переводчик не должен упоминать «небо» и «землю», а найти подходящий эквивалент в английском языке, т.е. в данном случае “Thank God”.

Следующая причина это незнание культурных и бытовых реалий, обычаев и традиций другой страны. Такие различия часто встречаются в текстах и могут вызвать трудности при переводе. Например, реалии-меры, то есть единицы длины, объема, площади, веса и т.д. В этом случае переводчику необходимо знать реальную величину каждой меры в соотношении с международной метрической системой. То же самое касается и национальных валют. Часто затруднения вызывают реалии, связанные с едой и напитками. Так, в английском языке черный чай будет “black tea”, а в китайском языке «红茶», что дословно переводится как «красный чай». Таким образом, переводчик может буквально перевести данное словосочетание как «красный чай», тем самым допустив грубую ошибку. Еще одним примером бытовых реалий может выступать китайское словосочетание «坐月子», которое буквально можно перевести как «сидеть месяц», что не имеет никакого смысла. На самом деле, в китайском обществе под «坐月子» имеется в виду месячный от-

пуск, который предоставляется женщинам после родов. Эквивалентом в английском языке может выступать словосочетание “maternity leave” [7, с. 66]. Рассмотрим другой интересный пример из повседневной жизни, в английском языке посетить врача переводится как “to see a doctor”. В то время как в китайском языке то же словосочетание переводится «看病» и при его буквальном переводе может возникнуть недопонимание, потому что оно будет иметь смысл «посмотреть болезнь». Еще один интересный пример представляет собой фраза «慢走», которая переводится дословно «медленно идти», на самом деле китайцы используют ее, когда прощаются друг с другом. Поэтому данную фразу правильнее будет перевести как «всего хорошего» или «идите осторожно». Часто ее произносят вслед уходящему гостю. Таким образом, переводчику необходимо быть знакомым с различными реалиями другой культуры для понимания иноязычного текста и для его адекватной адаптации.

Разница в образе мышления также вызывает трудности при переводе. Китай и Великобритания являются типичными представителями восточного и западного типов мышления соответственно. Наглядным примером различий в образе мышления выступает понимание и восприятие цвета. Так, белый цвет воспринимается и характеризуется по-разному в западной и восточной культурах. На Западе белый цвет символизирует чистоту, доброту и счастье, невесты предпочитают надевать белое платье на церемонию бракосочетания. В то время как в китайской культуре белый цвет скорее ассоциируется со смертью и трауром, потому что раньше белый цвет преимущественно надевали на похороны или когда оплакивали умерших. Конечно, сейчас под влиянием западной культуры, невесты в Китае тоже выбирают белый цвет, однако красный цвет по-прежнему является цветом удачи и достатка, поэтому он остается основным цветом свадебного платья в Китае [6, с. 99]. Также можно заметить разницу в мировоззрении на примере восприятия слова “beast”. Слово «兽» (зверь) в китайской культуре носит негативный и даже оскорбительный характер, а в западной культуре данное слово имеет как негативное, так и положительное значение. Китайское выражение «人面兽心» означает «зверь в человеческом обличье», так говорят о ком-то двуличном и злобном. Еще одно китайское выражение «禽兽不如» переводится

как «хуже животного», так говорят об аморальных поступках и людях. В английском же языке, например, если про игрока скажут “He is a beast on the football field”, будут иметь в виду, что он был исключительно хорош, то есть в данном случае слово “beast” имеет положительный оттенок.

Таким образом, мы видим, что в условиях увеличения количества межкультурных контактов, растет и необходимость адекватной передачи культурных реалий при переводе. Это особенно важно для успешного достижения взаимопонимания между представителями разных культур и народов. Однако перед переводчиком возникает ряд трудностей, но такие трудности связаны не только с незнанием тех или иных реалий, но и с поиском подходящих способов для передачи этих реалий.

Процесс перевода это не просто замена одной лексической единицы языка-источника на другую лексическую единицу на языке перевода. При осуществлении перевода возникают препятствия, решить которые переводчику помогают переводческие приемы. Для передачи слов, не имеющих непосредственных лексических соответствий в другом языке, существует ряд специальных приемов перевода, и важно уметь выбрать прием, наиболее подходящий для переводимого текста. Далее рассмотрим несколько основных приемов перевода лингвокультурных реалий, которыми может воспользоваться переводчик.

Первый прием, который довольно часто используют для перевода имен собственных – это перевод при помощи транслитерации и транскрипции. Казакова Т.А. определяет их следующим образом: «Переводческая транскрипция – это способ перевода лексической единицы путем формального пофонемного воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Другим приемом перевода является транслитерация – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова» [4, с. 59]. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка». Юшманов Н.В. определяет транслитерацию как «точную передачу знаков одной письменности зна-

ками другой письменности», а Щерба Л.В. как «передачу, переписывание слова буква в букву». [9, с. 87]. При необходимости перевода слова с языка-источника, которое не имеет эквивалента в языке перевода, можно попытаться ввести в язык перевода лексическую единицу, которая будет соответствовать слову из языка-источника. Для того чтобы передать такую иноязычную форму можно воспользоваться приемами транслитерации или транскрипции [11].

Способ транслитерации заключается в воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода. Например, «Hermione Granger – Гермиона Грейнджер», «Новгород – Novgorod» и т.д. Однако иногда в результате перевода при помощи транслитерации слова из языка-источника произносились совершенно иначе на языке перевода, что сильно усложняло их восприятие. Поэтому в последнее время в переводческой практике чаще употребляется прием транскрипции, при котором переводчик пытается максимально близко воспроизвести звучания иностранного слова на языке перевода. Например, Newton – Ньютон, Wales – Уэльс и т.д.

Однако данным приемом следует пользоваться довольно осторожно, потому что воспроизведение буквенного состава или звучания лексической единицы с языка-источника не раскрывает смысла данной единицы, из-за чего такие слова остаются непонятными для читателя, который не владеет иностранным языком.

Второй распространенный в переводческой практике прием – это перевод при помощи калькирования. «Калькирование – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка». Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была почему-либо неприемлема из эстетических, смысловых или иных соображений. «Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в языке перевода, копирующего структуру исходной лексической единицы» [4, с. 59]. При использовании калькирования слово или словосочетание из языка-источника, заменяются прямыми соответствиями на языке

перевода. Например, «Золотое кольцо России – The Golden Circul of Russia». Данный прием часто используется при переводе устойчивых словосочетаний, например, «the United Nations Organization – Организация Объединенных Наций», «Third Reich – Третий Рейх», Верховный Суд – Supreme Court, Белый дом – White House, Скалистые горы – Rocky Mountains, проект «Геном человека» – Human Genome project.

Однако использовать данный прием стоит лишь тогда, когда в языке перевода нет подходящего эквивалента, потому что существует риск появления в переводе ненужного буквализма. Также важно, чтобы калька не нарушала сочетаемость слов в языке перевода.

Еще одним приемом, которым может воспользоваться переводчик при отсутствии подходящего эквивалента является описательный перевод. Такой прием заключается в раскрытии значения переводимой лексической единицы при помощи объяснения, описания или определения. Например, «land side – победа на выборах с большим перевесом голосов» или «demo – демонстрационная версия программы» [5].

Приблизженный перевод или перевод при помощи аналога также является широко распространенным в переводческой практике. Он заключается в поиске ближайшего по значению аналога в языке перевода, который будет иметь схожие функции с лексической единицей языка-источника. То есть слово, не имеющее эквивалента в языке перевода, заменяется лишь аналогом, т.е. лишь приблизительным значением.

Также распространённым приемом перевода является трансформация. Трансформационный перевод представляет собой передачу реалии при помощи какой-либо лексической, грамматической или стилистической трансформации [2].

Типы трансформации были выделены выдающимся лингвистом Л.С. Бархударовым: замены, опущения, перестановки и добавления. К перестановке он относил такие приемы как изменение расположения частей сложного предложения или составление другого порядка слов в словосочетании. К замене Бархударов относил разделение и объединение предложений, компенсацию, перевод от обратного, замену причины следствием, синтаксические замены в структуре сложного предложения и т.д. А опущения и добавления

соответственно выполняли те функции, что описаны в их названии – опущение слов или частей предложения или их добавление [5, с. 136].

Таким образом, мы видим, что существует ряд переводческих приемов и трансформаций, которые помогают адекватно передать лингвокультурные реалии, не имеющие эквивалента в языке перевода. Также стоит отметить, что вышеописанные переводческие приемы на практике часто используются в сочетании друг с другом. Переводчику необходимо помнить, что перевод должен быть не только понятен читателю, но и максимально близко соответствовать тому колориту, который в текст закладывал автор.

Отметим, что для переводчика при переводе лингвокультурных реалий важно учитывать некоторые факторы при выборе окончательного варианта перевода. Нельзя сказать, что есть только один, единственный, точный вариант перевода путем транскрипции, калькирования, описания, трансформаций, их может быть несколько, и все они могут быть верными, так как перевод – это также и творческий процесс, где переводчик привносит свою окраску с учетом своего индивидуального стиля.

Заключение

Нами также были выделены причины, в связи с которыми у переводчика могут возникнуть затруднения при передаче лингвокультурной информации. К таким причинам относятся: историческое развитие, географическое положение, религия, культурные и бытовые реалии, обычаи и традиции другой страны и т.д.

Для преодоления указанных трудностей в переводческой практике используются разнообразные приёмы и методы. Наиболее распространёнными из них являются транскрипция и транслитерация, позволяющие сохранить звуковую или графическую форму имени собственного; калькирование, дающее возможность передать структуру исходной лексической единицы; описательный перевод, раскрывающий значение реалии через объяснение; перевод при помощи аналога, предполагающий поиск ближайшего функционального соответствия; а также различные виды трансформаций – замены, добавления, опущения и перестановки. Важно подчеркнуть, что в реальной переводческой практике эти приёмы редко

применяются изолированно; чаще всего они используются в комбинации друг с другом, что позволяет достичь оптимального результата.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 94 с.
2. Виноградов, В. В. К спорам о слове и образе / В. В. Виноградов // Вопросы литературы. – 1960. – № 5. – С. 66–96.
3. Ермолович, Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных / Д. И. Ермолович. – М.: Р-Валент, 2009. – 86 с.
4. Казакова, Т. А. Практические основы перевода: учеб. пособие / Т. А. Казакова. – СПб.: Перспектива, 2008. – 319 с.
5. Капкова, С. Ю. Перевод личных имен и реалий в произведении Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Тайная комната» / С. Ю. Капкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 75–78.
6. Омеличкина, С. В. Лингвопрагматическая составляющая стратегии художественного перевода / С. В. Омеличкина // Вестник КемГУ. – 2012. – № 4. – С. 82–86.
7. Сафрон, Е. А. Отражение мифа в фэнтези (на примере персонажей цикла романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер») / Е. А. Сафрон, Е. В. Бручикова // Гуманитарная парадигма. – 2020. – № 3 (14). – С. 125–131.
8. Перфильева, Н. В. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык / Н. В. Перфильева, Ху Пэйпэй // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – № 2. – С. 287–301.
9. Щерба, Л. В. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий / Л. В. Щерба // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – 1940.

ОБУЧЕНИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЮ ОДНОКРАТНОСТИ И МНОГОКРАТНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Бай Юе

учебный мастер, аспирант
Российский университет дружбы народов
г. Москва
bay@rudn.ru

Аннотация: статья посвящена методике обучения категориям однократности и многократности действия в практике преподавания русского языка как иностранного студентам-китайцам. На основе сравнительного анализа способов выражения данных категорий в русском и китайском языках (современных и древних) выявляются типологические сходства и различия двух языковых систем, имеющие непосредственное дидактическое значение. Рассматриваются видовая оппозиция СВ/НСВ в русском языке, аспектные маркеры 过(guò) и 了(le), комплемент кратности и удвоение глагола в китайском языке.

Ключевые слова: однократность; многократность; русский язык как иностранный; методика преподавания; аспектуальность.

TEACHING THE OPPOSITION OF SINGULATIVE AND ITERATIVE ASPECT IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Bai Yue

Master of Linguistics, postgraduate student
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow
bay@rudn.ru

Abstract: the article focuses on the methodology of teaching the categories of singulative and iterative aspect in the practice of teaching Russian as a foreign language to Chinese-speaking students. Based on a comparative analysis of the ways these categories are expressed in Russian and Chinese (modern and classical) typological similarities and differences between the two language systems are identified, with

direct didactic relevance. The study examines the perfective/imperfective aspect opposition (PF/IPF) in Russian, the aspect markers 过(guò) and 了(le), the frequency complement, and verb reduplication in Chinese.

Keywords: *singulative aspect; iterative aspect; Russian as a foreign language; teaching methodology; aspectuality.*

Категории однократности и многократности действия представляют серьёзную трудность при обучении русскому языку как иностранному и в практике переводческой подготовки.

Настоящая работа посвящена сравнительному анализу способов выражения однократности и многократности действия в современном и древнем русском и китайском языках с целью выявления дидактически значимых параллелей и контрастов, которые могут помочь наставнику в организации обучения.

Однократность и многократность действия являются важными категориями в языках мира. В русском языке эта оппозиция выражается через взаимодействие видовых форм (СВ и НСВ), а также через лексические и грамматические средства. В китайском языке, где видовые категории отсутствуют в привычном для русского языка виде, многократность и однократность выражаются через специальные маркеры, временные указатели и формы глаголов. Настоящий тезис посвящён сравнительному анализу способов выражения однократности и многократности действия в современных и древних русском и китайском языках.

Признак кратности присущ глаголам-предикатам, которые могут обозначать прерывающиеся и возобновляющиеся действия. В русском языке, категории аспектуальности обнаруживаются признаки кратности, длительности и интенсивности действия.

В русском языке, значение однократности в целом свойственно в общем случае глаголам СВ, в том числе глаголам одноактных способов действия, образуемым суффиксами -ну- (глотнуть, зевнуть), которые выражают одноактность, как разновидность однократности. Многократность может быть выражена в русском языке видовым противопоставлением с опорой на контекст, например: После чая мы садились у печки и читали [1: 62].

Но А.В. Бондарко считает, что в случае кратно-парной конструкции прошедшее время повторяющегося действия все же допускает СВ.

Например: По случаю холеры перед обедом пили перцовку... Как только сели артели за обед, на берегу появлялся огромный рыжий козел, принадлежавший пожарной команде (Гиляровский. Мои скитания)

СВ также относится к кратно-соотносительному типу, но к иной его разновидности.

Например: Левин заметил, что у него на глазах были не слезы, а влажность, как это всегда бывало у него или когда он выпил, или когда он расчувствовался (Л. Толстой. Анна Каренина).

Таким образом, формы прошедшего совершенного, в таком случае, обладает наглядно-примерным значением, то есть из множества повторяющихся действий выделяется одно, которое рассматривается как пример совокупности повторений [2: 215].

В китайском языке значение однократности и многократности выражается с помощью использования аспектного маркера. гл.+过 (guò) означает и указывает, что действие происходило в прошлом, однажды или неоднократно, но сейчас более не происходит. гл.+了 (le) подчеркивает, что само действие было завершено [3: 113].

Многократность	Одноактность
$\begin{array}{c} \text{I} \xrightarrow{\text{F}} \left[\text{I} \xrightarrow{\text{F}} \text{I} \xrightarrow{\text{F}} \text{F} \right] \\ \text{начало (I)} \quad \text{конец этапа (F)} \end{array}$	$\text{I} \xrightarrow{\text{F}} \text{сейчас}$ начало (I) этапа (F)
Я был/бывал в Китае.	Я ездил в Китай.
wǒ qù guò zhōngguó. 我去过 中国。	wǒ qù le zhōngguó. 我去了 中国。

гл.+过 (guò) «Я был в Китае» – означает, что у меня был опыт поездки в Китай, может быть, я был в Китае много раз, а может быть, один.

гл.+了 (le) «Я ездил в Китае» – означает, что процесс действия из России в Китай (возможно, на самолете или поезде) было завершено.

В китайском языке мы используем Комплемент кратности для того, чтобы указывать сколько раз произошло действие. Эта конструкция имеет форму: числительное + глагольный счётный суффикс.

Например: 我去过三次中国。 wǒ qù guò sān cì zhōngguó. (Я был в Китае *три раза*.)

Кроме того, в китайском языке многократность также выражается через удвоение глаголов. В отличие от конструкции гл.+过 (guò), удвоение глагола ясно подчеркивает такие особенности, как кратковременность действия и небольшая интенсивность, но не указывает на конкретное количество раз. Например: 他退休了以后, 平常看看(kàn kan)书, 下下(xià xia)棋, 和老朋友聊聊(liáo liao)天, 倒也不寂寞。(После выхода на пенсию он обычно немного **почитает** книги, немного **поиграет** в шахматы, **поболтает** с друзьями – и совсем не скучает).

В этом примере через повторение глаголов 看«смотреть», 下(棋)«играть», 聊«болтать» выражается частотность совершения действия.

При выражении многократности действия древнекитайский и древнерусский языки отличаются от современных способов выражения. В древнерусском языке многократность и однократность выражались, главным образом, через использование форм глаголов, особенно через противопоставление итеративных форм и не-итеративных форм. Итеративные формы обычно употреблялись для обозначения повторяющихся или многократных действий. Например, такие формы, как «читах» (многократно читал) или «слыхах» (многократно слышал), выражают многократность действия.[4: 46]

В древнекитайском языке многократность не требует использования аспектных маркеров «了» или «过», а выражается непосредственно через сочетание числительного и глагола.

Например: «齐人三鼓» (из «左传·曹刿论战»). Жители царства Ци ударили в барабан три раза. «三» непосредственно уточняет и ограничивает глагол «鼓», между числительным и глаголом отсутствуют такие глагольные счётные суффиксы, как «次» и без аспектных маркеров «了» или «过».

Таким образом, в русском и китайском языках однократность и многократность могут быть противопоставлены и могут оказаться в позиции нейтрализации.

Опыт работы с данной темой в учебной аудитории позволяет сформулировать следующие методические рекомендации для наставников, обучающих китайских студентов русскому языку и переводу:

В русском языке грамматическое противопоставление видов чётко разграничивает категории однократности и многократности. При обучении следует опираться на систему вид-аспект (СВ/НСВ) как основной инструмент, демонстрируя примеры из художественных текстов.

В китайском языке отсутствует видовая система, однако контекст, временные маркеры и лексика эффективно компенсируют эту функцию. Наставнику целесообразно проводить сопоставительный анализ маркеров 过(guò) и 了(le), компонента кратности и удвоения глагола.

Типичные ошибки студентов-китайцев связаны со смешением значений СВ и НСВ в контекстах многократности. Наставнику рекомендуется использовать контрастивные примеры и таблицы сопоставления для выработки языковой интуиции.

Знакомство студентов с историческими формами (итеративы древнерусского, числительное + глагол в вэньяне) помогает углубить понимание современных форм выражения кратности в обоих языках и повышает качество перевода текстов разных эпох.

Сравнительное исследование способов выражения кратности в русском и китайском языках показывает как принципиальные типологические различия между двумя языковыми системами, так и точки соприкосновения, которые могут служить дидактическими опорами. Работа не только углубит лингвистические знания, но и выработает практические навыки сопоставительного анализа, необходимые переводчику.

Список литературы

1. Алимова, М. В. Аспектуальные смыслы «перфект-неперфект» в пространстве художественного текста (на материале испанского, английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. В. Алимова. – Москва, 2012. – 165 с.
2. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – Москва : Просвещение, 1971. – 239 с.
3. 朱德熙. 语法讲义. — 北京 : 商务印书馆, 1982. — 231 с.
4. Успенский, Б. А. Часть и целое в русской грамматике / Б. А. Кспенский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 128 с.
5. Алексеева, И. С. Матрица методик подготовки переводчика. Секрет успеха ВШП / И. С. Алексеева. – Москва: Межд. отношения, 2022. – 208 с.

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНАХ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНУЮ СЛОЖНОСТЬ
В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ**

Кадилина Ольга Александровна

канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель
кафедры иностранных языков

Медицинского института Российского
университета дружбы народов

г. Москва

доцент кафедры английского языка

МГЮА им. О.Е. Кутафина

г. Москва

olgakadilina@gmail.com

Аннотация: статья посвящена проблеме обучения произношению англоязычных медицинских терминов в курсе отраслевого перевода. На материале девяти тематических разделов справочника *Current Essentials of Medicine* выделены и систематизированы лексические единицы, представляющие объективную сложность для русскоязычных обучающихся. Для каждого термина приведена транскрипция и маркировка типов трудностей (ударение, дифтонги, сочетания звуков, редукция, длина слова, омофония); разработаны мини-гlossарии и методические рекомендации.

Ключевые слова: медицинский перевод, произносительная трудность, медицинская терминология, обучение переводу.

Kadilina O. A.

Cand. Sc. Philology, Associate Professor, Senior Lecturer

Department of Foreign Languages, Medical Institute

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow

Associate Professor, Department of English Language

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow,

olgakadilina@gmail.com

REVISITING THE ISSUE OF SOME ENGLISH MEDICAL TERMS PRONUNCIATIONALLY CHALLENGING IN TRANSLATION TEACHING

Abstract: *the article addresses the issue of teaching pronunciation of English medical terms in the course of specialized translation. Based on the material of nine thematic sections of the reference guide Current Essentials of Medicine, the author identifies and systematizes lexical units that pose objective difficulty for Russian-speaking learners. For each term, transcription is provided along with a markup of difficulty types (stress, diphthongs, sound combinations, reduction, word length, homophony); mini-glossaries and methodological recommendations are developed.*

Keywords: *medical translation, pronunciation difficulty, medical terminology, translation teaching.*

В работе со студентами-медиками, изучающими английский язык, особое место занимает формирование фонетической компетенции. Носителям русского языка сложно: непривычные сочетания звуков (в том числе межзубные и аффрикаты), наличие «немых» букв, вариативность ударения в родственных терминах, высокая степень редукции гласных, многосложность греко-латинских аффиксальных образований, высокая скорость речи носителей языка. Указанные факторы создают значительные трудности при аудировании, устном последовательном и синхронном переводе в медицинской сфере.

При обучении медицинскому переводу недостаточно отрабатывать произношение изолированных терминов: необходимо формировать навыки связного произношения в составе симптомокомплексов, осваивать ритмические группы внутри предложения (медицинский английский отличается особым ритмом с ударениями на смысловых единицах), а также учитывать вариативность ударения в зависимости от части речи и сочетаемости терминов, и от адекватного толкования медицинского термина и его перевода на другой язык зависят жизнь и здоровье человека» [1].

Настоящая работа выполнена на материале авторитетного англоязычного справочного издания Current Essentials of Medicine (4th edition) [2] и посвящена анализу англоязычных медицинских

терминов, представляющих произносительную сложность, для целей обучения отраслевому переводу.

В задачи данной работы входит: отображение лексических единиц девяти тематических разделов справочного издания *Current Essentials of Medicine*, трудных для произношения русскоязычными обучающимися; классификация выявленных трудности по типам (ударение, дифтонги/долгие гласные, сочетания звуков, редукция, длина слова, омофония); языковая интерференция и словесное ударение являются основными препятствиями в формировании навыка корректного произношения у студентов [3]; составление фонетических мини-гlossариев с маркировкой типов сложности; методические рекомендации для преподавания произносительных аспектов медицинского перевода.

При обучении переводу важно не только научить правильно произносить изолированные термины, но и отработать: связанное произношение в составе симптомокомплексов; ритмические группы внутри предложений (медицинский английский имеет особый ритм с ударениями на смысловых единицах); вариативность ударения в зависимости от части речи и сочетаемости. Парадоксально, что даже при достаточно высоком уровне владения английским языком, русскоязычные «пользователи» допускают в речи серьезные ошибки и смысловые смещения, отрицательно сказывающиеся на эффективности коммуникации, снижающие общее впечатление о степени языковой компетенции, а иногда звучащие для уха носителя языка и вовсе абсурдно [4].

В настоящей работе мы рассмотрим некоторые из них, относящиеся к следующим отраслям: сердечно-сосудистые заболевания (*Cardiovascular Diseases*), заболевания легких (*Pulmonary Diseases*), заболевания печени и желчевыводящих путей (*Hepatobiliary Disorders*), гематологические заболевания (*Hematologic Diseases*), эндокринные расстройства (*Endocrine Disorders*), неврологические заболевания (*Neurologic Diseases*), психические расстройства (*Psychiatric Disorders*), дерматологические заболевания (*Dermatologic Disorders*), а также гинекологические, акушерские и заболевания молочной железы (*Gynecologic, Obstetric, and Breast Disorders*).

Ввиду того, что многие британские словари, среди которых учебные словари, такие как Оксфордский и Кембриджский словари, используют для передачи произношения слов международный фонетический алфавит, настоящее исследование выполнено с применением норм Международного фонетического алфавита (МФА).

В данной работе мы будем маркировать типы произносительной сложности следующим образом: У – нестандартное ударение; Д – дифтонг / долгий гласный; С – непривычное сочетание звуков (в т.ч. межзубные, аффрикаты, носовые); Р – сильная редукция / беглые гласные; ДЛ – длина слова (≥ 4 слогов); О – омофония / опасность смешения с другим термином.

В отношении тематики *Cardiovascular Diseases*, можно выделить следующие значимые факторы: 1. Суффикс -itis (воспаление) имеет ударение на слог, предшествующий суффиксу, и дифтонг /ai/: pericarditis → /per.i.kɑ:r' dai.tis/, myocarditis → /,maɪ.ə.kɑ:r' dai.tis/, endocarditis → /,en.dou.kɑ:r' dai.tis/; 2. Группа thr- в начале слова thrombolysis, thrombosis, thrombus – начальное /θr/ отсутствует в русском языке; 3. Многосложность, например, pheochromocytoma; 4. Чтение ao в начале слова как двух отдельных гласных /ei'ə:/ с остановкой голоса (гортанная смычка) – Aortic dissection между ними; 5. Нестандартное конечное произношение, например, Syncore (архаизм, сохранившийся в медицинской терминологии), где конечное e произносится как /i/; 6. Angina pectoris – Вариативность произношения, например, в американском английском возможны два варианта: /æ'n'dʒaɪ.nə/ — более распространённый в медицинской среде, и /'æn.dʒə.nə/ (редуцированный первый слог) – разговорный, но в медицинском переводе предпочтителен первый вариант.

Фонетический мини-гlossарий: Cardiovascular Diseases

Cardiovascular /,kɑ:r.di.ou'væs.kjə.lə/ У, С, ДЛ

Pericarditis /,per.i.kɑ:r' dai.tis/ У, Д, ДЛ

Myocarditis /,maɪ.ə.kɑ:r' dai.tis/ У, Д, ДЛ, Р

Endocarditis /,en.dou.kɑ:r' dai.tis/ У, ДЛ, Р

Pheochromocytoma /,fi:.ou.kroo.mou.sar'tou.mə/ ДЛ, У, Д, С

Tachycardia /,tæk.i'kɑ:r.di.ə/ У, Д

Arrhythmia /ə'rið.mi.ə/ У, С, Р

Ischemia /i'ski:.mi.ə/ У, Д, С, О

Myocardial infarction /ˌmaɪ.əˈkɑːr.di.əl ɪnˈfɑːrk.ʃən/ У, Д, С, ДЛ
 Hypertrophic cardiomyopathy /ˌhaɪ.pəˈtrou.fɪk ˌkɑːr.di.oo.maɪˈɑː.pə.θi/ ДЛ, У, Д, С
 Aortic dissection /eɪˈɔːr.tɪk dɪˈsek.ʃən/ У, С, О
 Coarctation /ˌkoʊ.ɑːrkˈteɪ.ʃən/ У, Д, С
 Pulmonary stenosis /ˈpʊl.mə.ner.i stəˈnoʊ.sɪs/ У, Д, Р, С, О
 Regurgitation /rɪˌɡɜː.dʒɪˈteɪ.ʃən/ У, Д, С, ДЛ
 Atrioventricular block /eɪ.tri.oo.venˈtrɪk.jə.lə blɑːk/ У, С, ДЛ
 Ventricular tachycardia /venˈtrɪk.jə.lə ˈtæk.ɪˈkɑːr.di.ə/ У, С, ДЛ
 Pericardiocentesis /ˌper.ɪ.kɑːr.di.oo.senˈtiː.sɪs/ ДЛ, У, Д
 Thrombolysis /θrɑːmˈbɑː.li.sɪs/ У, С
 Angina pectoris /ænˈdʒaɪ.nə ˈpek.tə.rɪs/ У, Д, С, О
 Atherosclerosis /ˌæθ.əˈroʊ.skləˈroʊ.sɪs/ У, С, Д, ДЛ
 Dissecting aneurysm /dɪˈsek.tɪŋ ˈæn.jə.ɪ.zəm/ У, Д, С, Р, О
 Syncope /ˈsɪŋ.kə.pi/ У, С, О

К числу дополнительных произносительных трудностей для переводчика по теме *Pulmonary Diseases* можно отнести такие, как:
 1. Немое р в начале: pneumonia, pneumothorax, pneumoconiosis, pneumocystis — всегда /n/ или /nuː/; 2. Межзубные звуки: thorax → /θɔːr.æks/; редкость для русского, требует отдельной отработки; 3. Ударение в греко-латинских суффиксах: -osis всегда под ударением на предпоследний слог: tuberculosis, asbestosis, pneumocystosis; 4. Сочетание pt в начале/середине: hemoptysis → /hɪˈmɑːp.tə.sɪs/, symptom → /ˈsɪmp.təm/ — это [p.t], а не [pt] как в русском;

Фонетический глоссарий по теме Pulmonary Diseases

Pneumonia /nuːˈmoʊ.njə/ У, Д, С
 Pneumothorax /ˌnuː.moʊˈθɔːr.æks/ У, Д, С
 Pleurisy /ˈplɔːr.i.si/ Pleu → /plɔːr/ С
 Empyema /emˈpaɪ.ə.mə/ У, Д, Р, ДЛ
 Bronchiectasis /ˌbrɑːŋ.kiˈek.tə.sɪs/ У, С, ДЛ
 Pulmonary /ˈpʊl.mə.ner.i/ Pul → /pʊl/ С, Р
 Pertussis /pərˈtʌs.ɪs/ Per → /pər/ (rhotic); У, С
 Croup /kruːp/ О
 Stridor /ˈstraɪ.də/ С, Д
 Hemoptysis /hɪˈmɑːp.tə.sɪs/ У, С, ДЛ
 Asbestosis /ˌæs.besˈtoʊ.sɪs/ У, ДЛ
 Pneumoconiosis /ˌnuː.məˌkoʊ.niˈoo.sɪs/ ДЛ, У, Д

Pneumocystis /ˌnuː.məˈsɪs.tɪs/ У, С
 Pneumocystosis /ˌnuː.moʊ.sɪˈstoo.sɪs/ ДЛ, У
 Tuberculosis /tʊˈbɜː.kjəˈloo.sɪs/ У, С
 Bronchoscopy /brɑːŋˈkɑːs.kə.pi/ У, С, ДЛ
 Alveoli /ælˈviː.ə.lai/ У, Д, О
 Ventilation /ˌven.təlˈeɪ.ʃən/ У, Р, Д
 Parenchyma /pəˈreŋ.kɪ.mə/ У, С
 Interstitial /ˌɪn.təˈstɪʃ.əl/ С, Р
 Ineffective /ˌɪn.ɪˈfek.tɪv/ У, Р
 Wheezing /ˈwiː.zɪŋ/ С
 Exacerbation /ɪɡˌzæs.əˈbeɪ.ʃən/ У, Д, С, ДЛ

Необходимо отметить, что при аудиторной работе важно для каждого термина позезно давать медицинский контекст («Fever, chills, dyspnea, cough with purulent sputum production»), а также рифму-ассоциацию там, где возможно (для wheezing → breezing, sneezing).

Далее представлены термины по тематике *Hepatobiliary Disorders*, представляющие наибольшую произносительную сложность. При работе с этим разделом необходимо обратить внимание на следующие особенности: 1. Группа Ch- → /k/, в частности в терминах греческого происхождения Ch в начале слова почти всегда произносится как /k/, а не /tʃ/: cholestasis, cholangitis, cholecystitis, choledocholithiasis (исключение составляют заимствования из современных языков); 2. Межзубные звуки /θ/ и /ð/, например /θ/ в середине длинного слова choledocholithiasis → .../lɪˈθaɪ.ə.sɪs/ и путаница с суффиксами cirrhosis, fibrosis, sclerosis; 3. Ударение в суффиксе -itis,: cholecystitis, cholangitis, pericholangitis; 4. Многосложные слова, например, choledocholithiasis: /koʊ.le.do.koʊ.lɪˈθaɪ.ə.sɪs/ – 8 слогов. В обучении переводу его следует разбивать на смысловые блоки: chole – желчь, docho – проток, litho – камень, iasis – состояние / образование.

Фонетический мини-глассарий по теме Hepatobiliary Disorders

Hepatobiliary /hɪˌpæt.oʊˈbɪl.i.ər.i/ У, ДЛ
 Biliary /ˈbɪl.i.ər.i/ часто путают с billiary У, С
 Cholestasis /ˌkoʊ.lɪˈsteɪ.sɪs/ У, Д
 Cholangitis /ˌkoʊ.lænˈdʒaɪ.tɪs/ У, Д, С
 Cholecystitis /ˌkoʊ.lə.sɪˈstai.tɪs/ У, Д, ДЛ, Р
 Choledocholithiasis /koʊˌle.də.koʊ.lɪˈθaɪ.ə.sɪs/ ДЛ, У, Д, С

Hepatocellular /hɪˌpæt.oʊˈsel.jə.lə/ У, ДЛ, С
 Cirrhosis /sɪˈroʊ.sɪs/ У, О
 Fibrosis /faɪˈbroʊ.sɪs/ У, Д
 Sclerosis /skləˈroʊ.sɪs/ У, С, Д
 Esophageal /ɪˌsɑː.fəˈdʒiː.əl/ У, С, ДЛ
 Variceal /ˌver.ɪˈsiː.əl/ У, С
 Hemochromatosis /ˌhiː.mə.kroʊ.məˈtoʊ.sɪs/ ДЛ, У, Д
 Hemolysis /hɪˈmɑː.lə.sɪs/ путают с hemorrhage У, О
 Embolization /ˌem.bə.lɪˈzeɪ.fən/ У, Д, ДЛ
 Hepatomegaly /hɪˌpæt.oʊˈmeg.ə.li/ У, С
 Splenomegaly /ˌsplɪː.noʊˈmeg.ə.li/ У, Д, ДЛ
 Paracentesis /ˌper.əˈsenˈtiː.sɪs/ У, ДЛ
 Sphincterotomy /ˌsfɪŋk.təˈrɑː.tə.mi/ С, У, ДЛ
 Endoscopic /ˌen.doʊˈskaː.pɪk/ У, С
 Cholangiography /kəˌlæn.dʒiˈɑː.grə.fi/ У, С, ДЛ
 Iatrogenic /aɪˌæt.rəˈdʒen.ɪk/ У, Д, С
 Pericholangitis /ˌper.ɪ.kəˌlænˈdʒaɪ.tɪs/ У, ДЛ, С

При работе с разделом *Hematologic Diseases* переводчику стоит обратить внимание на следующие особенности: 1) зачастую суффикс -emia (кровь / состояние крови) является ударным: leukaemia → /luːˈkiː.mi.ə/, thrombocytopenia → /θrɑːm.bəˌsaɪ.təˈpiː.ni.ə/, polycythemia → /ˌpɑː.liˌsaɪˈθiː.mi.ə/; 2) группа thr- в начале слова thrombocytopenia, thrombocytosis, thrombosis – начальное /θr/ отсутствует в русском языке и для носителей русского языка необходима тренировка: [θ] + [r] без гласного между ними; 3) уникальное окончание множественного числа, окончание -iae - petechiae (мн. ч.) → /pɪˈtiː.ki.aɪ/, petechia (ед.ч.) → /pɪˈtiː.ki.ə/; 4) Pernicious – опасность орфографического сходства с русским «пернициозный», так как в русском медицинском жаргоне используется калька «пернициозная анемия», но английское произношение /prəˈniʃ.əs/ (с аффрикатой /ʃ/) отличается от ожидаемого /pɛrˈnis.i.əs/.

Фонетический мини-гlossарий: Hematologic Diseases

Hematologic /ˌhiː.mə.təˈlɑː.dʒɪk/ У, ДЛ, С
 Leukemia /luːˈkiː.mi.ə/ У, Д, О
 Anemia /əˈniː.mi.ə/ У, Р, О
 Thrombocytopenia /ˌθrɑːm.bəˌsaɪ.təˈpiː.ni.ə/ ДЛ, У, С, Д
 Pancytopenia /ˌpæn.saɪ.təˈpiː.ni.ə/ ДЛ, У, Д
 Neutropenia /ˌnuː.trəˈpiː.ni.ə/ У, Д, ДЛ

Lymphocyte /'lɪm.fə.saɪt/ С, Д
 Eosinophil /,i:ə'sɪn.ə.fil/ У, Д, С
 Basophil /'beɪ.sə.fil/ У, Д
 Hemoglobinopathy /,hi:.mə'glɒbɪn'ɑ:.pə.θi/ ДЛ, У, С, Д
 Thalassaemia /,θæl.ə'si:.mi.ə/ У, С, Д, ДЛ
 Spherocytosis /,sfɪr.ə.sai'tou.sɪs/ У, С, Д, ДЛ
 Hemolysis /hɪ'mɑ:.lə.sɪs/ У, О
 Myelofibrosis /,maɪ.ə.loʊ.fai'broʊ.sɪs/ У, Д, ДЛ
 Cryoglobulinemia /,kraɪ.ɒʊ'glɑ:.bjə.li'ni:.mi.ə/ ДЛ, У, С, Д
 Polycythemia /,pɑ:.li.sai'θi:.mi.ə/ У, С, Д, ДЛ
 Macroglubulinemia /,mæk.roʊ'glɑ:.bjə.li'ni:.mi.ə/ ДЛ, У, С
 Metamyelocyte /,met.ə'maɪ.ə.loʊ.saɪt/ У, Д, ДЛ
 Pernicious /pə'niʃ.əs/ У, С, О
 Purpura /'pɜ:.pjə.rə/ У, С
 Ecchymosis /,ek.ɪ'mou.sɪs/ У, С
 Petechiae /pɪ'ti:.ki.ə/ У, С, Д
 Idiopathic /,ɪd.i.ə'pæθ.ɪk/ У, С, ДЛ

При работе с лексикой по теме *Endocrine Disorders* следует обратить внимание на нижеперечисленные факторы: 1. Суффикс -ism (состояние / заболевание), в эндокринологии много терминов на -ism: hyperparathyroidism, hypoparathyroidism, hyperaldosteronism, hirsutism, cretinism, panhypopituitarism и ударение всегда падает на корень; 2. Группа thy (щитовидная железа) – thyroid, thyroxine, methimazole, propylthiouracil – везде встречается /θ/; 3. Pheochromocytoma – уникальный термин, который является абсолютным лидером по произносительной сложности; 4. Gynecomastia – /,gaɪ.nɪ.kou'mæs.ti.ə/, ударение на mas, начальный G твёрдый, как в go; 5. Panhypopituitarism – абсолютный рекордсмен 9 слогов, три приставки (pan-, гипо-, pituit-), сложное ударение. Рекомендуемая слоговая разбивка для тренировки: - pan-hy-po-pi-tu-i-ta-rism (9 слогов).

Фонетический мини-глоссарий: Endocrine Disorders

Acromegaly /,æk.roʊ'meg.ə.li/ У, ДЛ
 Pheochromocytoma /,fi:.ɒʊ'kroʊ.moʊ.sai'tou.mə/ ДЛ, У, Д, С
 Thyroiditis /,θaɪ.rɔɪ'daɪ.tɪs/ У, С, Д
 Hyperparathyroidism /,haɪ.pə'per.ə'θaɪ.rɔɪ'dɪ.zəm/ ДЛ, У, С, Д
 Hypoparathyroidism /,haɪ.poʊ'per.ə'θaɪ.rɔɪ'dɪ.zəm/ ДЛ, У, С, Д
 Hyperaldosteronism /,haɪ.pə'æl'dɑ:.stə.roʊ.nɪ.zəm/ ДЛ, У, Р

Panhypopituitarism /pæn, haɪ.pou.prɪ'tuː.ɪ.tə.ri.zəm/ ДЛ, У, С

Gynecomastia /, gaɪ.nɪ.kou'mæs.ti.ə/ У, Д, ДЛ

Virilization /, vɪr.ə.lɪ'zeɪ.ʃən/ У, С, Д

Cortisol /'kɔːr.tɪ.sə:l/ У, О

Glucocorticoid /, gluː.kou'kɔːr.tɪ.kɔɪd 'zeɪ.ʃən/ У, С, Д

Cortisol /'kɔːr.tɪ.sə:l/ У, Д, ДЛ

Mineralocorticoid /, mɪn.ər.ə.loʊ'kɔːr.tɪ.kɔɪd/ ДЛ, У, Р

Ketoacidosis /, kiː.tou, æs.ɪ'dou.sɪs/ У, Д, ДЛ

Osteoporosis /, ɑː.sti.ou.pə'rou.sɪs/ У, Д, ДЛ

Myxedema /, mɪk.sɪ'diː.mə/ У, С, Д

Cretenism /'kriː.tɪ.nɪ.zəm/ У, Д

Goiter /'gəɪ.tə/ У, Д, С

Levocarb (сленг, от levothyroxine) /, liː.vou'θaɪ.rɑːks.iːn/ У, С, Д

Propylthiouracil /, proʊ.pɪl.θaɪ.ou'jɔːr.ə.sɪl/ ДЛ, У, С, Д

Methimazole /me'θɪm.ə.zou/ У, С

Bromocriptine /, broʊ.mou'krɪp.tiːn/ У, Д, С

Somatostatin /, sou.mə.tou'stæt.ɪn/ У, Д, О

При работе с лексикой по теме *Neurologic Diseases* следует обратить внимание на нижеперечисленные факторы: 1. Присутствие в неврологии эпонимов французского происхождения; например, Guillain-Barré syndrome произносится с соблюдением французских правил: Guillain → /giː'jæn/, Barré → /bə'reɪ/ (аналогично: Babinski, Charcot, Tourette); 2. Межзубные звуки в греческих корнях, например myasthenia, paresthesia, dysesthesia содержат /θ/ в корне esthesi- (ощущение), а agnosia, apraxia, aphasia – межзубных нет, но важно не добавлять их ошибочно; 3. Syringomyelia произносится с носовым /ŋ/ (syring → /sɪ'riŋ/) и дифтонгом /aɪ/ в myelia; 4. Amyotrophic lateral sclerosis (ALS) – классическое триединое сложное сочетание, требующее отдельной отработки при обучении переводу (в быстрой речи всё сочетание сжимается до 7–8 слогов вместо 10); 5. Anosmia – звонкое /z/аналогично: cosmos → /'kɑːz.mouz/.

Фонетический мини-гlossарий: Neurologic Diseases

Neurologic /, nɔːr.ə'laː.dʒɪk/ У, С, Р

Encephalopathy /ɪn.sef.ə'laː.pə.θi/ У, С, ДЛ

Cerebrovascular /, ser.ə.brou'væs.kjə.lə/ У, С, ДЛ

Subarachnoid /, slɒ.ə'ræk.nɔɪd/ У, С, Д

Hemorrhagic /, hem.ə'ræ.dʒɪk/ У, С

Intracerebral /, ɪn.trə.sə'riː.brəl/ У, Д, ДЛ

Guillain-Barré /ˌgiːˈjæn bəˈreɪ/ У, С, Д
 Amyotrophic /ˌeɪ.mai.əˈtroʊ.fɪk/ У, Д, ДЛ
 Lateral /ˈlæt.ər.əl/ С, Р
 Sclerosis /skləˈroʊ.sɪs/ У, С, Д
 Multiple /ˈmʌl.tɪ.pəl/ Р, С
 Myasthenia /ˌmaɪ.əsˈθiː.ni.ə/ У, С, Д
 Gravis /ˈgræv.ɪs/ У, О
 Parkinson's /ˈpɑːr.kɪn.sənz/ У, Р
 Huntington's /ˈhʌn.tɪŋ.tənz/ У, С
 Trigeminal /traɪˈdʒem.ənəl/ У, Д, С
 Neuralgia /noˈræl.dʒə/ У, С
 Syringomyelia /sɪˌrɪŋ.gou.maiˈiː.li.ə/ ДЛ, У, Д, С
 Paresthesia /ˌper.əsˈθiː.zə/ У, С, Д
 Dysesthesia /ˌdis.esˈθiː.zə/ У, С, Д
 Anosmia /æˈnɑːz.mi.ə/ У, С
 Chorea /kəˈriː.ə/ У, С, Д
 Agnosia /ægˈnoʊ.zə/ У, С, О

При работе с лекикой по теме *Psychiatric Disorders* необходимо учитывать следующие аспекты: 1. В психиатрии много терминов с греческой приставкой psych-: psychiatric, psychosis, psycho, psychopath – везде начальное р не произносится (исключение – заимствования из других языков (в данном разделе отсутствуют)); 2. Аффрикатy /f/ и /z/ в суффиксах – conversion → /kənˈvɜː.ʒən/ (звонкая /z/), obsessive → /əbˈses.ɪv/ (без аффрикатy в суффиксе, но s в корне); 3. Слова с редкими фонетическими особенностями, например, malingering – слово содержит два звука /ŋ/ (в слогах lin и ing), в русском языке отсутствует, требует тренировки; 4. В медицинском английском латинские сочетания произносятся по правилам английского, например delirium tremens, delirium → /dɪˈlɪr.i.əm/ (не /deˈliː.ri.um/), tremens → /ˈtriː.menz/ (не /ˈtre.mens/); 5. Schizophrenia – сложное сочетание sch + iz + phr, требующее слоговой разбивки для тренировки: - schi-zo-phre-ni-a (5 слогов), - sch → /sk/ (не /ʃ/ как в немецком), - zo → /t.sə/ (аффриката /ts/ часто упрощается до /z/ в быстрой речи, но правильно с /ts/), - phr → /fr/.

Фонетический мини-гlossарий: Psychiatric Disorders

Psychiatric /ˌsaɪ.kiˈæt.rɪk/ У, С, Д
 Schizophrenia /ˌskɪt.səˈfriː.ni.ə/ У, С, Д, ДЛ
 Paranoid /ˈper.ə.nɔɪd/ У, Д

Personality /ˌpɜː.sənˈæɪ.lə.ti/ У, Р, ДЛ
 Antisocial /ˌæn.tiˈsoʊ.ʃəl/ У, С
 Borderline /ˈbɔːr.də.laɪn/ У, Д, С
 Histrionic /ˌhɪ.striˈɑː.nɪk/ У, С
 Narcissistic /ˌnɑːr.sɪˈsɪs.tɪk/ У, С
 Avoidant /əˈvɔɪ.dənt/ У, Д, Р
 Dependent /dɪˈpen.dənt/ У, О
 Obsessive-compulsive /əbˈses.ɪv kəmˈpʌl.sɪv/ У, ДЛ, С
 Posttraumatic /ˌpəʊst.trəˈmæt.ɪk/ У, С, Р
 Somatoform /soʊˈmæt.ə.fɔːrm/ У, Р
 Conversion /kənˈvɜː.ʒən/ У, С, О
 Hypochondriasis /ˌhaɪ.pə.kɑːnˈdraɪ.ə.sɪs/ У, Д, ДЛ
 Malingering /məˈlɪŋ.ɡər.ɪŋ/ У, С
 Factitious /fækˈtɪʃ.əs/ У, С, О
 Munchausen /ˈmʌn.tʃəʊ.zən/ У, Д, С
 Anhedonia /ˌæn.hɪˈdʊʊ.ni.ə/ У, Д, ДЛ
 Agoraphobia /ˌæɡ.ə.rəˈfoʊ.bi.ə/ У, Д, ДЛ
 Claustrophobia /ˌklɔː.strəˈfoʊ.bi.ə/ У, С, Д
 Delerium (опечатка в файле: delirium) /dɪˈlɪr.i.əm/ У, Р
 Tremens /ˈtriː.menz/ У, Д

При работе с лексикой по теме *Dermatologic Disorders* необходимо учитывать следующие аспекты: 1. В дерматологии, как и в психиатрии, много терминов с греческими приставками, в частности, немое р в греческих приставках: psoriasis → /səˈraɪ.ə.sɪs/, pseudofolliculitis → /suː.doʊ/, pterygium → /təˈrɪdʒ.i.əm/; 2. Группа th в разных позициях, например erythema → /ˌer.iˈθiː.mə/, ichthyosis → /ˌɪk.θiˈoʊ.sɪs/, acanthosis → /ˌæk.ænˈθoʊ.sɪs/; 3. Опасность ложного прочтения, например, в русском медицинском жаргоне «лишай» произносится с мягким «ч» (/liˈtʃaj/), а в английском lichen → /ˈlaɪ.kən/ (твёрдое /k/, дифтонг /aɪ/); 4. Tinea — омофоническая опасность, как в примере с терминами tinea (дерматофития) и taenia (ленточный червь, также tenia) — разные термины, но при беглом произношении могут быть перепутаны: tinea → /ˈtɪn.i.ə/ (краткий /t/ в первом слоге), taenia → /ˈtiː.ni.ə/ (долгое /iː/ в первом слоге); 5. В английском х в начале слова обычно произносится как /z/ только в нескольких словах греческого происхождения (xenophobia, xylophone, xerosis). В остальных случаях (x-ray) — /eks/.

Фонетический мини-гlossарий: Dermatologic Disorders

Dermatologic /,dɜ:.mə.tə'la:.dʒɪk/ У, С, ДЛ

Acanthosis /,æk.æn'tʰoo.sɪs/ У, С, Д

Nigricans /'naɪ.grɪ.kænz/ У, Д, С

Keratosis /,ker.ə'too.sɪs У, Д, Р

Seborrheic /,seb.ə'ri:.ɪkУ, Д, С

Psoriasis /sə'raɪ.ə.sɪs/ У, Д, С

Pemphigus /'pem.fi.gəs/ У, С

Pemphigoid /'pem.fi.gɔɪd/ У, Д, С

Erythema /,er.ɪ'ti:.mə/ У, С, Д

Multiforme /,mʌl.tɪ'fɔ:r.mi/ У, С

Stevens-Johnson /'sti:.vənz 'dʒɑ:n.sən/ У, Д, С

Epidermolysis /,ep.ɪ.dɜ:'mɑ:.lə.sɪs/ У, ДЛ, С

Bullosa /bʊ'loo.sə/ У, Д

Pityriasis /,pit.ɪ'raɪ.ə.sɪs/ У, Д, ДЛ

Rosea /'rou.zi.ə/ У, С

Tinea /'ti:n.i.ə/ У, О

Versicolor /'vɜ:..sɪ.kʌl.ə/ У, С, Р

Onychomycosis /,ɑ:.nɪ.koo.mai'koo.sɪs/ У, Д, ДЛ

Xerosis /zɪ'roo.sɪs/ У, С

Ichthyosis /,ɪk.θi'oo.sɪs/ У, С, Д

Lichen /'laɪ.kən/ У, Д, О

Planus /'pleɪ.nəs/ У, Д

Urticaria /,ɜ:.tɪ'ker.i.ə/ У, Д, ДЛ

При работе с лексикой по теме *Gynecologic, Obstetric, and Breast Disorders* необходимо учитывать следующие аспекты: 1. Множество терминов с суффиксом *-rrhea* (течение / выделение): *amenorrhea* → /eɪ.men.ə'ri:.ə/, *dysmenorrhea* → /dɪs.men.ə'ri:.ə/, *menorrhea*; 2. Сложные коммерческие названия гормональных препаратов, где для тренировки требуется слоговая разбивка, например, *levonorgestrel*: le-vo-nor-ges-trel (5 слогов), ударение на *ges*: /'dʒes/, конечное *-trel* → /trəl/ (сочетание /tr/ с редуцированным /ə/); 3. Эпонимы греческого происхождения, например, как в названии теста *Рарапícolaou* по имени врача Георгиоса Папаниколау (*par test*), где *-aou* произносится как /laʊ/ (не /leɪ.oo/); 5. Термины заимствованные из французского, что отражается в произношении, как, например, *curettage*.

Фонетический мини-гlossарий: Gynecologic, Obstetric, and Breast Disorders

Gynecologic /ˌɡaɪ.nɪ.kəˈlɑː.dʒɪk/ У, Д, С, ДЛ

Obstetric /əbˈstet.rɪk/ У, С

Amenorrhea /eɪ.men.əˈriː.ə/ У, Д, ДЛ

Dysmenorrhea /dɪs.men.əˈriː.ə/ У, Д, ДЛ, С

Endometriosis /ˌen.doʊ.miː.triˈoʊ.sɪs/ У, Д, ДЛ

Endometritis /ˌen.doʊ.mɪˈtraɪ.tɪs/ У, Д, ДЛ

Adenomyosis /ˌæd.ən.oʊ.maɪˈoʊ.sɪs/ У, Д, ДЛ

Leiomyoma /ˌlaɪ.oʊ.maɪˈoʊ.mə/ У, Д, ДЛ

Myometrium /ˌmaɪ.oʊ.miː.tri.əm/ У, Д, ДЛ

Salpingitis /ˌsæl.pɪnˈdʒaɪ.tɪs/ У, С, Д

Oophorectomy /ˌoʊ.ə.fəˈrek.tə.mi/ У, С, ДЛ

Hysterectomy /ˌhɪs.təˈrek.tə.mi/ У, Р, ДЛ

Cystocele /ˈsɪs.tə.siːl/ У, Д, С

Rectocele /ˈrek.tə.siːl/ У, Д

Enterocoele /ˈen.tə.roʊ.siːl/ У, Д, ДЛ

Levonorgestrel /ˌliː.voo.nɔːrˈdʒes.trəl/ У, С, Д, ДЛ

Mifepristone /ˌmɪf.əˈprɪs.toʊn/ У, С

Prolactin /proʊˈlæktɪn/ У, Д

Colposcopy /kɑːlˈpɑːs.kə.pi/ У, С

Laparoscopy /ˌlæp.əˈrɑːs.kə.pi/ У, ДЛ, С

Curettage /ˌkjʊr.iˈtɑːʒ/ У, С

Papanicolaou /ˌpæp.əˈnɪk.ə.ləʊ/ У, Д, ДЛ, С

Choriocarcinoma /ˌkɔːr.i.oʊ.kɑːr.sɪˈnoʊ.mə/ У, Д, ДЛ, С

Проведённое исследование показало, что англоязычная медицинская терминология содержит значительный пласт лексических единиц, объективно сложных для произношения русскоязычными обучающимися. На материале девяти тематических разделов Current Essentials of Medicine было выявлено и проанализировано более 200 терминов, представляющих произносительную трудность.

Предложенная система классификации позволяет систематизировать фонетические трудности, выстроить приоритеты в обучении: от более частотных и менее сложных явлений (редукция, удаление) к более редким и требующим отдельной отработки. Для каждого тематического раздела выделены ключевые фонетические

закономерности, что позволяет формировать у обучающихся умение прогнозировать произносительные трудности в новых, ранее не встречавшихся лексических единицах, их декодирование позволяет реципиенту воспринять интенцию автора в полном объеме [5]. Разбивка материала по медицинским специальностям позволяет адаптировать фонетическую подготовку к реальным профессиональным задачам переводчика: работа с историей болезни, консилиумом, медицинской документацией по конкретной отрасли.

Методика анализа и классификации может быть расширена на другие разделы медицины (нефрология, иммунология, хирургия и др.), а также дополнена аудиоматериалами для тренировки восприятия терминов на слух в быстрой речи носителей языка и в условиях различных коммуникативных ситуаций.

Список литературы

1. Кадилина, О. А. Применение стратегий письменного перевода специальной медицинской лексики: аспекты учета способов употребления терминов специалистами / О. А. Кадилина // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 9. – С. 304–308. – EDN AMNWPJ.
2. Tierney, L. M. Current Essentials of Medicine / L. M. Tierney, S. Saint, M. A. Whooley. – 4th ed. – New York: The McGraw-Hill Companies, 2011. – ISBN 978-0-07-176665-4 (eBook). – ISBN 978-0-07-163790-9 (print).
3. Горбунова, Д. В. Субъективный психологический комфорт в процессе иноязычной подготовки / Д. В. Горбунова, О. Ю. Макарова // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка: материалы 12-й Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 2 июня 2023 г.). – Казань: Издательство Казанского государственного медицинского университета, 2023. — С. 11–19.
4. Родионов, В. А. Общие принципы функционирования логического / фразового ударения в словосочетании и предложении (как сделать коммуникацию эффективной) / В. А. Родионов // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков (Санкт-Петербург, 21 июня 2019 года). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 422–430. – EDN EKKDGJ.
5. Эбзеева, Ю. Н. Семиотика медицинского дискурса / Ю. Н. Эбзеева, Н. М. Дугалич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 802–820. – DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820. – EDN HXZDAT.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДВЫБОРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Комаристая Дарья Артемовна

магистрант 2 курса

Северо-Кавказский федеральный университет

г. Ставрополь, Ставропольский край

info@ncfu.ru

Аннотация: статья посвящена анализу лингвистических средств выразительности и стилистических приемов, используемых в политической риторике США на примере выступлений Дональда Трампа. Анализируется текст «Trump Campaigns at Faith & Freedom Conference», в котором Трамп критикует администрацию Джо Байдена, акцентируя внимание на экономических и социальных проблемах. Особое внимание уделяется экспрессивности и образности речи, а также различным трансформационным стратегиям при переводе.

Ключевые слова: коннотация; трансформация; политический дискурс; экспрессивность; идиоматизация.

Komaristaia Daria Artemovna

Second year masterstudent,

North-Caucasus Federal University

Stavropol

info@ncfu.ru

STYLISTIC EXPRESSIVENESS AND TRANSLATION TRANSFORMATIONS IN THE PRE-ELECTION POLITICAL DISCOURSE OF THE USA

Abstract: the article is devoted to the analysis of linguistic means of expression and stylistic techniques used in US political rhetoric using the example of Donald Trump's speeches. The text of the "Trump Campaigns at Faith & Freedom Conference" is analyzed, in which Trump criticizes the Joe Biden administration, focusing on economic and social problems. Special attention is paid to the expressiveness and imagery of speech, as well as various transformational strategies in translation.

Keywords: *connotation; transformation; political discourse; expressivity; idiomatization.*

Рассматривая лингвистические средства выразительности и стилистические приемы в политической риторике США, в первую очередь важно упомянуть, что специфика профессиональных языков заключается именно в лексике, предназначенной для номинации референтов той или иной предметной области деятельности [5: 30]. Тематическое содержание, стиль, проявляющийся в отборе словарных, грамматических и фразеологических средств языка, и композиционное построение высказывания определяются спецификой сферы использования языка [2: 177].

Особенностью языка политики как специального подъязыка является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как следствие деспециализации политических терминов. В отсутствуют какие-либо особые фонемы, части речи, падежи или типы предложений. На грамматическом уровне специалисты отмечают лишь отдельные случаи активного использования определённых конструкций. В основном же особенности политической речи проявляются на уровне лексики, фразеологии и стилистики [3: 90].

Политическая лексика представляет собой один из наиболее динамичных и изменчивых слоёв языковой системы. Лексические единицы и фразеологизмы, ранее находившиеся в активном употреблении, со временем могут выходить из него, уступая место новым языковым элементам (неологизмам), среди которых встречаются и те, что ранее были широко распространены в общепотребительном языке. Подобные трансформации зачастую обусловлены стремлением различных политических сил акцентировать принципиальную новизну существующего политического строя. В иных случаях наблюдается обратная тенденция: политические субъекты, напротив, стремятся подчеркнуть преемственность и связь с историческими традициями, что приводит к возрождению и повторному использованию прежних наименований (архаизмов) [3: 94].

Так, к числу выразительных средств политической риторики относятся разнообразные стилистические фигуры, такие как антитеза, инверсия, эллипсис, сравнение и прочие, а также приемы экс-

прессивного синтаксиса, окказионализмы, трансформация фразеологизмов и другие. Особое значение имеют метафорические и метонимические обозначения, в случаях, когда наблюдается яркая образность и необычное употребление лексики [3: 59–60].

В качестве материала для анализа стилистической выразительности и переводческих трансформаций в предвыборном политическом дискурсе США представлен текст «Trump Campaigns at Faith & Freedom Conference» (Предвыборная компания Дональда Трампа на конференции «Веры и Свободы»). Текст представляет собой резкую политическую критику администрации Джо Байдена с акцентом на экономические проблемы (высокая инфляция, снижение реальных доходов), проблемы с миграцией, национальной безопасностью и внешней политикой, а также обвинения в коррупции и некомпетентности.

Главной особенностью выступлений Дональда Трампа являются экспрессивность и образность. Его речь наполнена метафорическими высказываниями («dumping ground», «flame of liberty», «gulags», «Biden inflation nightmare»), сложными конструкциями и выразительными словосочетаниями («Monster abuses of power», «the very brink of World War III»). Также стоит сказать, что политическая речь Трампа содержит в себе отсылки к событиям в прошлом («we surrendered in Afghanistan», «Under my leadership, we had», «defeated ISIS», «the attack on Israel on October 7th»). Так, эпитеты, метафоры и сравнения с негативной коннотацией («currency is crashing», «greatest defeat», «calamitous» и т.д.) наблюдаются там, где оратор анализирует последствия недостаточного внимания прежней администрации к внутренним проблемам (фактологическая манипуляция); им противостоит множество тех же фигур речи с положительной коннотацией при описании будущего страны при новом руководстве, формируя эмоциональный контраст в отношении к прошлому и настоящему.

Речь Дональда Трампа, обращенная к избирателям с целью дискредитировать своего оппонента, отличается такими семантико-стилистическими признаками, как экспрессивные, оценочные и эмоциональные приемы выразительности, которые проявляются на лексическом (эпитеты, метафоры и сравнения с негативной коннотацией) и синтаксическом (параллельные конструкции, перечисления, градация, антитеза, эллипсис, риторические вопросы и др.)

уровнях. Чтобы сохранить иронию, экспрессию или нейтральность высказывания, перевод политической речи должен учитывать коннотативно маркированные элементы и тон оригинала [1: 16].

Стремление подчеркнуть важность, необходимость, положительность выдвигаемых утверждений выражается в отрицательной оценке или дискредитации оппонентов, а также в преувеличенной правильности и значимости собственных действий [4: 21].

На лексическом уровне, чтобы сохранить экспрессию и негативное отношение говорящего к представителям другой партии, с помощью трансформации «смысловое развитие» словосочетание «crooked Joe Biden» (дословно: кривой Джо Байден) было переведено как «жулик Джо Байден». Данная трансформация мотивируется передачей коннотации и правилами русского языка.

С помощью генерализации выражение «demosgasy» было переведено как «наши устои» – это помогает воздействовать на слушателей, создать эффект солидарности или подчеркнуть коллективную идентичность, что характерно для политической риторики.

В англоязычном тексте словосочетание «this group» обладает высокой степенью абстракции и не содержит явного указания на реципиента. При переводе на русский язык возникает необходимость в применении трансформации конкретизации, поскольку в русском дискурсе подобная неопределённость может затруднить восприятие и понимание текста целевой аудиторией. В данном случае целесообразно использовать конкретизацию и передать «this group» как «вам (аудитории)», тем самым явно обозначив адресата сообщения.

Поскольку русский язык чаще передаёт эмоции через метафоры и фразеологизмы (а не через конструкции типа «не верится»), фраза «ситуация выходит из-под контроля» передаёт эмоциональную оценку, в контексте исходного предложения «beyond belief», которое выражает шок и недоверие говорящего к текущей ситуации. Замена прямого значения («невероятно») на косвенное, но более выразительное, лучше вписывается в русский политический дискурс, где подобные выражения («хаос на границе», «полная неразбериха») часто используются для критики власти.

В процессе перевода словосочетания «giving authorization» на русский язык была применена трансформационная стратегия смыс-

лового развития, в частности, использование фразеологической замены: оригинальная конструкция была передана посредством устойчивого выражения «дать карт-бланш». Такая трансформация обусловлена необходимостью достижения прагматической и стилистической эквивалентности, что соответствует принципам функционально-семантического подхода в переводоведении.

Перевод метафоры «We're like a dumping ground» как «Мы стали свалкой для тех, кого никто не хочет видеть» конкретизирует, добавляя уточнение («для тех, кого никто не хочет видеть»), чтобы сделать метафору более понятной в контексте (речь идёт о мигрантах, преступниках, пациентах психиатрических клиник). Данный вид перевода мы используем, чтобы сохранить эмоциональную нагрузку (негативную оценку) и избежать буквализма («мы как свалка»)

Перевод фразы «It meant so much» как «стали посмешищем» в данном контексте является примером смысловой (модуляционной) трансформации. Из-за того, что исходный текст использует иронию: формально «значило много», но на деле – унижительный провал, русский вариант «стали посмешищем» усиливает эту иронию, передавая глубину позора.

В данном случае применяется модуляция (смысловая замена) – замена исходного фразеологизма «days away from» эквивалентным по смыслу в языке перевода «на пороге». Русское идиоматическое выражение «на пороге» передает ту же смысловую нагрузку – неизбежность и близость события. Оно часто используется в переносном значении для обозначения критической близости чего-то значительного (часто негативного).

Для повышения динамичности высказывания и акцента на демонстрации невиновности Дональда Трампа, при переводе фразы «for nothing, for no crimes» была применена трансформация антонимического перевода, результатом которой стало лаконичное выражение «без вины». Данное решение реализует следующие задачи: компрессия речевого акта при сохранении интенции; активизация оценочной коннотации для усиления тезиса о невиновности; адаптация к лингвокультурным нормам русскоязычного политического дискурса.

Таким образом, обращение кандидата в президенты Д. Трампа несет в себе эмоциональную информацию. Данная речь отличается

семантико-стилистическими признаками, такими как экспрессивные («left wing freaks and zealots» «radical Democrats» «most corrupt president in American history»), оценочные («currency is crashing», «greatest defeat», «calamitous», «totally humiliated») и эмоциональные («make America great again», «never been through so much») приемами выразительности, которые проявляются на лексическом (эпитеты, метафоры и сравнения с негативной коннотацией) и синтаксическом уровнях (параллельные конструкции, перечисления, градация, антитеза, эллипсис, риторические вопросы и др.). Эти средства являются незаменимой частью политических речей на английском языке, так как отражают ментальность народа и выступают важным средством воздействия на избирателя.

На основании проведенного анализа, обеспечение коммуникативной эквивалентности при переводе политической речи Д. Трампа потребовало применения следующих ключевых трансформаций:

1. Модуляция (смысловое развитие) («crooked Joe Biden» – «жулик Джо Байден»; «It meant so much» – «стали посмешищем»).
2. Генерализация (democracy) – «наши устои»).
3. Конкретизация («this group» – «вам (аудитории)»; «We're like a dumping ground» – «свалка для тех, кого никто не хочет видеть»).
4. Антонимический перевод («for nothing, for no crimes» – «без вины»; «not treating our soldiers right» – «издевались»).

Список литературы

1. Тюленев, С. В. Теория перевода: учебное пособие / С. В. Тюленев – Москва: Гардарики, 2004. – 336 с.
2. Халатян, А. Б. Жанровая организация предвыборного дискурса / А. Б. Халатян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2 (9). – С. 177. – URL: www.gramota.net/materials/2/2011/2/52.html (дата обращения: 11.04.2025).
3. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
4. Шевченко, О. П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений (на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX–XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Петровна Шевченко. – Волгоград, 2010. – 21 с.
5. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Исааковна Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.

ENGLISH–RUSSIAN TRANSLATION OF TERMINOLOGICAL
COLLOCATIONS IN AEROSPACE DISCOURSE:
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES

Andrey Sergeevich Korzin

Senior Lecturer
RUDN University
Moscow

Abstract: *this study examines the English-Russian translation of terminological collocations in aerospace discourse. It is based on AADC, a specialised corpus compiled from 2024 research articles published in Aerospace. The analysis focuses on structural transformation, explicitation, equivalent selection, and contextual differentiation in rendering aerospace terms into Russian.*

Key words: *terminological collocation; aerospace discourse; technical translation; English; Russian; corpus.*

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ
В АЭРОКОСМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ: СТРУКТУРНЫЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Корзин Андрей Сергеевич

старший преподаватель
Российский университет дружбы народов
г. Москва

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности перевода англоязычных терминологических коллокаций аэрокосмического дискурса на русский язык. Материалом служит специализированный корпус AADC, составленный из статей журнала «Aerospace» за 2024 год. Анализируются изменения структуры, экспликация, выбор эквивалента и контекстная дифференциация перевода.*

Ключевые слова: *терминологическая коллокация; аэрокосмический дискурс; технический перевод; английский язык; русский язык; корпус.*

Introduction

Aerospace discourse is characterised by a high degree of terminological density, conceptual precision, and structural compression. It integrates concepts from aerodynamics, propulsion, orbital mechanics, spacecraft engineering, materials science, numerical modelling, control theory, and mission design. In this field, specialised knowledge is rarely expressed only through isolated one-word terms. A considerable part of aerospace terminology is realised in the form of recurrent multi-word units, for example, *flow field*, *boundary layer*, *propulsion system*, *angle of attack*, *specific impulse*, *orbit determination*, *solar array*, *mass flow rate*, and *total pressure recovery coefficient*. These units may be considered terminological collocations because they combine the stability of a term with the syntagmatic organisation typical of specialised discourse.

This study examines selected features of translating English aerospace terminological collocations into Russian. Focusing on the English–Russian language pair is important because the two languages differ in their preferred mechanisms of term formation. English scientific and technical discourse frequently relies on compact premodification, especially adjective + noun, noun + noun, and extended noun-chain structures. In contrast, Russian more often uses adjectival modifiers, genitive constructions, prepositional phrases, or syntactically more explicit structures. Thus, the translation of English aerospace collocations into Russian is not limited to lexical substitution. This requires structural transformation and conceptual interpretation.

The empirical material of the study is drawn from the Aerospace Academic Discourse Corpus (AADC), an English-language specialized corpus compiled from research articles published in Aerospace by MDPI in 2024. The corpus includes 8 out of 12 issues of the journal and comprises 152 research articles. AADC is specialized because it is restricted by source, subject area, genre, and functional style. It includes texts from one journal, one broad professional domain, namely aerospace research and technology, and one functional variety of discourse, namely academic scientific writing. Unlike multi-purpose corpora, which include different genres, registers, and domains, AADC focuses on a narrower language segment: the scientific sublanguage of the aerospace field. A scientific sublanguage may be understood as a thematically limited variety of scientific language used to describe objects, processes, systems, and parameters of a particular professional sphere [1].

Such specialization is methodologically significant because it reduces the influence of intergenre variation and allows the analysis to concentrate on recurrent terminological patterns in a relatively homogeneous scientific context [2: 81–83].

From a typological perspective, AADC is a written, static, synchronic, and full-text corpus of scientific research articles. It is written because it consists of published academic texts; static because it represents a completed time span and is not intended for continuous expansion; synchronic because it reflects the state of English-language aerospace academic discourse within one calendar year; and full-text because it includes complete research articles rather than abstracts or shortened fragments. The corpus therefore provides a suitable empirical basis for studying stable terminological expressions in contemporary aerospace discourse.

The choice of ‘Aerospace’ as the source of the corpus is also methodologically relevant. The journal is positioned as an international peer-reviewed open access publication devoted to aerospace science, engineering, and technology, including aircraft and spacecraft research, design, manufacture, operation, control, and maintenance [3]. The 2024 volume of the journal contains 12 monthly issues [4]. Because the corpus is based on open-access materials, it may be reconstructed by other researchers provided that the same principles of article selection are followed. This increases the reproducibility of the empirical procedure and makes the corpus appropriate for terminology-oriented analysis.

The list of terminological collocations used in this study was extracted from AADC with frequency and keyness data. In corpus-based terminology work, keywords and terms are identified through a comparison between a focus corpus and a reference corpus; this procedure makes it possible to detect words and phrases that are typical of the specialised corpus under investigation [5]. The extracted list contains both highly conventional aerospace terms and more context-dependent technical collocations. Examples include *flow field* (f = 362), *boundary layer* (f = 289), *propulsion system* (f = 304), *total pressure* (f = 206), *angle of attack* (f = 244), *lunar soil* (f = 189), *Mach number* (f = 192), *solar array* (f = 225), *numerical simulation* (f = 220), *gas film* (f = 142), *flexible solar array* (f = 135), and *orbit determination* (f = 136).

This study aims to identify the main structural and semantic features of translating English aerospace terminological collocations into Russian. The analysis focuses on three issues: the structural transformation of English multi-word terms in Russian translation; the choice between established equivalents, calques, transpositions, explication, and descriptive translation; and the role of the terminological core in preserving conceptual accuracy.

Main Body

Terminological collocations occupy an intermediate position between free word combinations and fixed terms. In general-language collocation theory, the meaning of a word is closely connected to its habitual co-occurrence patterns. This idea is traditionally associated with the contextual approach to meaning, according to which lexical units should be studied through their typical linguistic environments [6]. Corpus linguistics later developed this approach by showing that recurrent lexical combinations are not random but reflect systematic language use [7]. However, in specialised discourse, collocations are not merely habitual combinations. They may designate technical concepts, procedures, parameters, and relationships. Therefore, aerospace collocations such as *boundary layer*, *specific impulse*, *attitude control*, and *orbit determination* should be treated as concept-bearing units rather than ordinary phrases.

Terminology studies emphasise the relationship between terms, concepts, and specialised communication. Terminology work is concerned with the principles and methods for preparing and compiling terminologies, including the relationships between objects, concepts, definitions, and designations [8]. This conceptual orientation is essential for the translation of aerospace collocations. As terminology processing involves not only the collection of terms but also their organisation, storage, retrieval, and use in specialised communication, corpus-derived terminological data should be interpreted as part of a broader system of professional knowledge [9]. A translator must identify not only the dictionary meanings of individual components but also the specialised relations that unite them. For example, *combustion chamber pressure* does not mean a generic ‘combustion pressure of a chamber’; it denotes the pressure measured in a specific component of a propulsion system. A Russian equivalent, such as *давление в камере сгорания*, is therefore more accurate than a mechanically compressed version.

The most frequent structural pattern in the material is the English noun + noun model. Examples include *flow field*, *boundary layer*, *propulsion system*, *solar array*, *gas film*, *heat pipe*, *control law*, *orbit determination*, *satellite constellation*, *pressure recovery*, and *combustion chamber*. This model is highly productive in English because it allows complex conceptual relationships to be expressed in a compact form. However, in Russian, noun + noun structures are often transformed into adjective + noun constructions, genitive constructions, or prepositional phrases.

The collocation *flow field* illustrates this structural asymmetry. A literal rendering such as *потокное поле* is formally possible but less idiomatic in many aerospace contexts than *поле течения* or *распределение потока*. The English premodifier *flow* becomes a Russian genitive dependent. The same transformation can be observed in *pressure distribution* → *распределение давления*, *velocity vector* → *вектор скорости*, *orbit determination* → *определение орбиты*, and *equation of motion* → *уравнение движения*. In these cases, translation requires transposition rather than word-for-word reproduction.

A second frequent pattern is adjective + noun. Examples from the corpus include *total pressure*, *specific impulse*, *angular momentum*, *static pressure*, *dynamic pressure*, *relative velocity*, *orbital period*, *aerodynamic force*, *lunar soil*, and *small satellite*. Many of these units have relatively direct Russian equivalents: *total pressure* → *полное давление*, *specific impulse* → *удельный импульс*, *angular momentum* → *угловой момент*, *static pressure* → *статическое давление*, *dynamic pressure* → *динамическое давление*, and *relative velocity* → *относительная скорость*. Such examples demonstrate cases where calque or literal translation is acceptable because the same conceptual relation is conventionally expressed through an adjectival modifier in Russian.

However, adjective + noun structures cannot always be translated mechanically. The collocation *flexible solar array* may be translated as *гибкая солнечная батарея* or *гибкая панель солнечных батарей*, depending on the technical context and the preferred terminology of a particular text. This example shows that the modifier *solar* is usually rendered into Russian in a predictable way as *солнечный*, but the final equivalent is determined by the head noun and by the concept denoted by the whole collocation. Thus, *solar array*, *solar sail*, and *solar wind*

all preserve the adjective *солнечный* in Russian; however, they refer to different aerospace concepts: a power-generating spacecraft component, a propulsion technology using sunlight pressure, and a stream of charged particles emitted by the Sun, respectively. Therefore, the translator should interpret the entire collocation rather than rely on the isolated modifier.

Prepositional and extended nominal structures form another important group. The corpus includes *angle of attack*, *mass flow rate*, *total pressure recovery*, *pressure recovery coefficient*, and *total pressure recovery coefficient*. The term *angle of attack* has the established Russian equivalent *угол атаки*. It is a calque, but it is also a conventional term in aerodynamics. By contrast, *total pressure recovery coefficient* requires a more complex transformation: *коэффициент восстановления полного давления*. The English head noun *coefficient* appears at the end of the phrase, whereas the Russian translation places the head noun at the beginning and reorganises the dependent components after it.

This right-to-left interpretation of English noun chains is one of the central difficulties in translating aerospace terminology into Russian. English often places the generic element at the end and all specifying components before it: *combustion chamber pressure*, *boundary layer transition*, *pressure recovery coefficient*, *return trajectory*, and *transfer orbit*. Russian normally makes the conceptual hierarchy more explicit: *давление в камере сгорания*, *переход пограничного слоя*, *коэффициент восстановления давления*, *траектория возвращения*, and *переходная орбита*. Such examples correspond to transposition as a change in grammatical structure during translation [10].

A further feature of aerospace terminology is the coexistence of international, eponymous, and native equivalents. The extracted list contains *Mach number*, *Kalman filter*, *Reynolds number*, *LEO satellite*, and *infrared radiation*. *Mach number* is translated as *число Маха*, *Kalman filter* as *фильтр Калмана*, and *Reynolds number* as *число Рейнольдса*. These terms preserve proper names but adapt them to Russian grammatical and orthographic conventions. *Infrared radiation* is translated as *инфракрасное излучение*, where the international component (*infra*) is integrated into a Russian adjectival construction. *LEO satellite* requires abbreviation management: depending on the intended readership, it may be translated as *спутник на низкой околоземной/опорной орбите*, *низкоорбитальный спутник*, or, in less formal contexts, *спутник*

LEO. In academic writing, expansion at first mention is usually preferable.

The semantic type of the head component also affects translation. One large group of collocations denotes physical parameters: *total pressure*, *static pressure*, *dynamic pressure*, *chamber pressure*, *pressure differential*, *angular velocity*, *relative velocity*, *flow velocity*, *mass flux*, *heat flux*, *heat capacity*, and *cooling efficiency*. These terms usually have established Russian equivalents, and consistency is crucial. For example, *static pressure* and *dynamic pressure* must be distinguished as *статическое давление* and *динамическое давление*. Confusing them would not be a stylistic inaccuracy but a conceptual error.

Another semantic group denotes processes or operations: *orbit determination*, *flow separation*, *attitude control*, *trajectory optimization*, *numerical simulation*, *pressure recovery*, and *heat release*. These collocations often require Russian nominalization: *orbit determination* → *определение орбиты*, *flow separation* → *отрыв потока* or *срыв потока*, *attitude control* → *управление ориентацией*, *trajectory optimization* → *оптимизация траектории*, and *numerical simulation* → *численное моделирование*. The distinction between semantic and communicative translation is useful here, as technical translation must remain conceptually accurate while also producing a natural target-language formulation [11].

A third group refers to components, systems, and structures: *propulsion system*, *solar array*, *combustion chamber*, *heat pipe*, *truss structure*, *airlock module*, *illumination module*, *vision system*, *ground station*, and *satellite constellation*. Many of these items have relatively stable Russian equivalents: *двигательная установка* or *двигательная система*, *солнечная батарея* / *солнечная панель*, *камера сгорания*, *тепловая труба*, *ферменная конструкция*, *иллюзорный модуль*, *система освещения*, *система технического зрения/видения*, *наземная станция*, and *группировка спутников*. The choice between variants depends on the subdomain, text type, and degree of terminological standardisation.

Some collocations are deceptively transparent. *Boundary layer* is translated as *пограничный слой*, whereas *boundary condition* is *граничное условие*, not *пограничное условие*. The same English component *boundary* therefore corresponds to different Russian adjectives depending on the head noun and conceptual domain. Similarly, *return trajectory* is usually *траектория возвращения*, while *transfer trajectory* may be *траектория перелёта*, *переходная траектория*, or

траектория перехода, depending on whether the context concerns mission design, astrodynamics, or a more general description of motion. Such examples show that the collocation, not the individual word, must be treated as the unit of translation.

This problem is especially visible in the group of angle terms: *angle of attack*, *pitch angle*, *elevation angle*, *tilt angle*, and *incidence angle*. All contain the head noun *angle*, but their Russian equivalents differ: *угол атаки*, *угол тангажа*, *угол места* / *угол возвышения*, *угол наклона*, and *угол падения* / *нивелировочный угол*. A translator who focuses only on the repeated component *angle* may overlook the fact that each modifier places the term in a different conceptual framework. In aerospace discourse, similar-looking collocations may belong to aerodynamics, flight dynamics, orbital geometry, optics, or remote sensing.

The corpus also includes specialised and less transparent collocations, such as *herringbone riblet*, *shock train*, *serpentine nozzle*, *cushion airbag*, *vortex diverter*, and *aerothermal flux*. These units often require additional contextual analysis because their Russian equivalents may not be fully stabilised. For instance, *shock train* in supersonic inlet studies may be translated as *последовательность скачков сжатия*. *Herringbone riblet* may require a descriptive equivalent such as *риблет с ёлочной структурой* or *риблет типа «ёлочка»*. In such cases, explicitation helps avoid misleading literal translations.

The extracted examples also show that aerospace terminology forms collocational families around recurring bases. The base *pressure* appears in *total pressure*, *static pressure*, *dynamic pressure*, *chamber pressure*, *pressure recovery*, *pressure loss*, *pressure oscillation*, *pressure differential*, and *pressure coefficient*. The base *flow* appears in *flow field*, *mass flow*, *mass flow rate*, *flow separation*, *incoming flow*, *secondary flow*, *gas flow*, and *flow velocity*. The base *trajectory* appears in *return trajectory*, *transfer trajectory*, and *re-entry trajectory*. These families are important for translation because they require terminological consistency. If *pressure recovery* is translated as *восстановление давления*, then *pressure recovery coefficient* should normally be translated as *коэффициент восстановления давления*, unless a more specific established equivalent is required by context.

At the same time, consistency should not become mechanical uniformity. The base *control* may correspond to several Russian equivalents: *control law* → *закон управления*, *attitude control* → *управление ориентацией*, *flight control* → *управление полётом*, *control strategy* → *стратегия управления*, and *control model* → *модель управления*.

In some contexts, *control* may also mean *регулирование* or *контроль*, but *контроль* is often a false friend when the English term denotes active control rather than inspection. This confirms the general translation principle that collocational patterns differ across languages and must be interpreted contextually [12].

The translation procedures identified in the material may be systematised according to the degree of structural and semantic transformation required in Russian. As shown in Table 1, some collocations have established Russian equivalents, whereas others require transposition, explicitation, contextual selection or descriptive translation.

Table 1

Translation procedures used in rendering English aerospace terminological collocations into Russian

	Translation procedure	Description	Examples from the corpus	Russian equivalents
1	Established equivalent	The Russian equivalent is conventional and widely used in the relevant aerospace subdomain	<i>boundary layer</i>	пограничный слой;
			<i>angle of attack</i>	угол атаки;
			<i>specific impulse</i>	удельный импульс
			<i>combustion chamber</i>	камера сгорания
2	Structural transposition	The English premodifying structure is reorganized according to Russian syntactic norms	<i>flow field</i>	поле течения
			<i>pressure distribution</i>	распределение давления
			<i>orbit determination</i>	определение орбиты
3	Explicitation	The Russian translation makes implicit information explicit, especially in compressed terms or abbreviations	<i>LEO satellite</i> ;	спутник на низкой околоземной орбите
4	Contextual selection	Several Russian equivalents are possible, and the final choice depends on the technical context	<i>solar array</i> ;	солнечная батарея / солнечная панель

End of the table 1

	Translation procedure	Description	Examples from the corpus	Russian equivalents
5	Descriptive translation	The term is specialised, emerging, or lacks a stable Russian equivalent	<i>herringbone riblet</i>	<i>риблет типа «ёлочка»</i>
			<i>vortex diverter</i>	<i>устройство / элемент отклонения вихря</i>
			<i>shock train</i>	<i>последовательность скачков сжатия</i>

The data summarised in Table 1 demonstrate that the translation of aerospace terminological collocations involves several recurrent procedures. The choice of procedure depends on the degree of conventionalisation of the Russian equivalent, the structural complexity of the English collocation, and the amount of implicit technical information encoded in the source unit. Established equivalents are used when the Russian terminological tradition already provides a stable designation. Structural transposition is required when compact English noun groups are not idiomatic in Russian. Explicitation becomes necessary when the English term contains an abbreviation or encodes a conceptual relation too densely. Contextual selection is especially important for terms such as *solar array* and *propulsion system*, whose Russian equivalents vary depending on the technical subdomain. Finally, descriptive translation is used for less conventional or emerging units whose Russian equivalents are not yet fully stabilised.

The analysis also shows that the collocation functions as the main unit of translation. It is the whole combination, rather than the isolated lexical component, that determines the appropriate Russian equivalent. This observation is consistent with the communicative and concept-oriented approaches to terminology, according to which terms function in specialised discourse and are connected with the organisation of professional knowledge [13; 14]. For this reason, translators must combine linguistic analysis with domain knowledge. Without domain knowledge, *boundary condition* may be mistranslated by analogy with *boundary layer*. Without linguistic analysis, a translator may preserve English word order where Russian requires a different syntactic structure. Without corpus evidence, it may be difficult to distinguish between an occasional phrase and a recurrent terminological collocation.

Overall, the examples from AADC confirm that the translation of aerospace terminological collocations requires a combination of corpus-

based observation, terminological analysis, and translation competence. Corpus data make it possible to identify recurrent and domain-specific combinations, whereas translation analysis shows how these combinations are restructured in Russian. The translator's task is to preserve the conceptual relation between the components and to produce a Russian equivalent that is accurate, conventional, and appropriate to the scientific style.

Conclusion

The analysis of selected examples from the Aerospace Academic Discourse Corpus shows that English–Russian translation of terminological collocations is shaped by structural, semantic, and contextual factors. English aerospace discourse frequently relies on compact multi-word noun groups, whereas Russian often requires adjectival constructions, genitive phrases, prepositional structures, or more explicit nominal groups. Therefore, literal translation is possible only when it coincides with established Russian terminological usage.

The most common translation procedures include established equivalent selection, calque, transposition, explication, contextual differentiation, and descriptive translation. Direct calque is effective in terms such as *angle of attack* → *угол атаки* and *specific impulse* → *удельный импульс*. Structural transformation is necessary in examples such as *flow field* → *поле течения*, *pressure distribution* → *распределение давления*, and *combustion chamber pressure* → *давление в камере сгорания*. Contextual differentiation is required when the same English component produces different Russian equivalents, as in the cases of *flow field*, *flow separation*, and *mass flow rate*. In these collocations, flow may be rendered as *течение*, *поток*, or *расход* depending on whether the term denotes a spatial distribution of fluid motion, an aerodynamic phenomenon, or a quantitative parameter.

A key conclusion is that terminological collocations should be translated as concept-bearing units, rather than as sequences of independent words. This is especially important in aerospace discourse, where formally similar structures may belong to different subdomains, including aerodynamics, propulsion, orbital mechanics, spacecraft systems, simulations, and control theory. The translator must reconstruct the conceptual relationship encoded in the English collocation and then select a Russian form that corresponds to the accepted terminology of the relevant domain.

This study also demonstrates the value of a specialised corpus for translation-oriented terminology research. Because AADC is limited to

one source, one domain, one functional style, and one calendar year, it provides a focused synchronic model of the scientific sublanguage of aerospace research. This makes it possible to observe recurrent terminological families built around bases such as *pressure*, *flow*, *angle*, *orbit*, *trajectory*, *control*, and *solar*. At the same time, corpus extraction must be combined with contextual analysis, specialised reference resources, parallel texts, and expert verification. Only this combination can ensure that the translation of aerospace terminological collocations is systematic, conceptually accurate, and appropriate for professional scientific communication.

References

1. Хомутова, Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): вопросы теории / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 15 (87). – С. 55–62.
2. Clancy B. Building a corpus to represent a variety of a language / B. Clancy // The Routledge Handbook of Corpus Linguistics / ed. by A. O'Keeffe, M. McCarthy. – London; New York: Routledge, 2010. – P. 80–92.
3. Aerospace. Aims and scope. – URL: <https://www.mdpi.com/journal/aerospace/about> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Aerospace. Volume 11, 2024. – URL: <https://www.mdpi.com/2226-4310/11> (дата обращения: 12.02.2026).
5. Sketch Engine. Keywords and term extraction. – URL: <https://www.sketchengine.eu/guide/keywords-and-term-extraction/> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934–1951 / J.R. Firth. – London: Oxford University Press, 1957. – 230 p.
7. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 180 p.
8. ISO 704:2022. Terminology work — Principles and methods. – Geneva: International Organization for Standardization, 2022. – 90 p.
9. Sager J.C. A Practical Course in Terminology Processing / J.C. Sager. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. – 280 p.
10. Vinay J.-P., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 390 p.
11. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York; London: Prentice Hall, 1988. – 310 p.
12. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 2011. – 350 p.
13. Cabré M.T. Terminology: Theory, Methods and Applications / M.T. Cabré. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. – 250 p.
14. Pearson J. Terms in Context / J. Pearson. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. – 210 p.

БЛОГ-ТЕХНОЛОГИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТА СЛУЖБЫ ПРОТОКОЛА

Кулиева Мария Дмитриевна

канд. пед. наук, ассистент
Российский университета дружбы народов
г. Москва
kulieva-md@rudn.ru

Аннотация: статья посвящена рассмотрению и анализу использования возможностей блог-технологии при формировании переводческой компетенции будущих специалистов службы протокола (студенты, обучающиеся по международным направлениям) на занятиях по иностранному языку (в частности английский язык) в образовательном пространстве высших учебных заведений. За счёт внедрения блог-технологии может быть осуществлена оптимизация контроля знаний по иностранному языку, повышена мотивация обучающихся к формированию переводческих знаний и умений, а также расширенные возможности использования большого количества материала (видео, видео-посты) преподавателями для проведения занятий. Блоги занимают важное место среди всех интернет-технологий и могут быть использованы как ценный образовательный и методический инструмент в практике формирования переводческой компетенции студентов. Автор анализирует исследования, посвященные особенностям внедрения блог-технологии в процессе формирования переводческой компетенции, и приходит к выводу, что проблема целесообразности использования блог-технологии в рамках занятий по иностранному языку среди студентов-международников недостаточно освещена.

Цель статьи состоит в рассмотрении возможностей использования блог-технологии при формировании переводческой компетенции будущих специалистов службы протокола на занятиях по иностранному языку (английский) для повышения мотивационной активности учащихся, осознанного восприятия актуальной тематической информации, организации самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: блог, технология, перевод, переводческая компетенция, иностранный язык, английский язык, специалист службы протокола.

Kulieva M. D.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Professor
RUDN University
Moscow
kulieva-md@rudn.ru

BLOG TECHNOLOGY IN THE FORMATION OF THE PROTOCOL OFFICER'S TRANSLATION COMPETENCE

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the usage of blog technology in the formation of the future protocol officers' translation competence (students studying in international fields) in foreign language classes (English in particular) in the educational environment of higher education institutions. Through the introduction of blog technology, the control of knowledge in a foreign language can be optimized, students' motivation to form translation knowledge and skills increased, as well as expanded opportunities for teachers to use a large amount of material (videos, video posts) for teaching. Blogs occupy an important place among all Internet technologies and can be used as a valuable educational and methodological tool in the practice of forming students' translation competence. The author analyzes research on the specifics of the introduction of blog technology in the process of forming translation competence, and comes to the conclusion that the problem of the expediency of using blog technology in foreign language classes among international students is insufficiently covered.*

The aim of the article is to consider the possibilities of using blog technology in the formation of the translation competence of protocol officers' in foreign language classes (English) to increase the motivational activity of students, conscious perception of relevant thematic information, and organization of independent work of students.

Keywords: *blog, technology, translation, translation competence, foreign language, English, protocol officer.*

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Цифровая трансформация в высшей школе в области формирования переводческой компетенции для преподавателей и студентов звучит не одно десятилетие. Для узкоспециализированных специалистов она остается недостаточно изученным для того, чтобы студенты были замотивированы, быстро запоминали, чтобы было разнообразие в выборе материала для преподавателей. С каждым годом продолжает расти значимость цифровой трансформации, условия и масштаб последствий в том числе при подготовке будущих специалистов службы протокола (далее СП). Концептуально новые подходы к формированию переводческой компетенции СП предполагают студентам и преподавателям ряд возможностей. Блоги, на которые могут ориентироваться преподаватели и студенты занимают важное место и могут быть использованы как ценный образовательный инструмент в практике формирования переводческой компетенции будущих СП.

В настоящее время вопросам внедрения блог-технологии в процесс обучения иностранного языка рассматривается подробно отечественными и зарубежными исследователям, однако в контексте формирования переводческих знаний и умений вопрос остается не до конца изученным.

Интеграция Интернета обеспечивает дополнительные возможности формирования переводческой компетенции СП, в то же время ставит новые задачи перед преподавателями и студентами.

Переводческая компетенция специалиста службы протокола представляет собой – «готовность и способность специалиста службы протокола успешно понимать и интерпретировать иноязычный устный или письменный текст в сфере дипломатии, переключаться на родной язык с целью создания текстов перевода (реферативного и перевода с листа) в процессе организации мероприятий на международном уровне с учётом требований дипломатического протокола и этикета» [6].

Необходимо более подробно остановиться на определении блог – («от англ. web blog-blog – запись событий) – веб-сайт или веб-страница, содержащая регулярно добавляемый контент в виде текстовых сообщений, изображений и мультимедиа с возможностью других пользователей оставлять к ним комментарии [2: 70].

Исследователь П.В. Сысоев предлагает следующее определение. Блог-технология – «одна из технологий Веб 2.0, позволяющая любому пользователю сети Интернет создать личную страничку, блог (от англ. blog или weblog), в виде дневника или журнала. Блог обычно создается и моделируется одним человеком, который по желанию может размещать на своей страничке как текстовый материал, так и фотографии, аудио- и видеозаписи, ссылки на другие ресурсы сети Интернет» [4].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

За последние годы всё больше преподавателей обращают свое внимание на блоги и хотят использовать их в образовательных целях. Существует несколько показателей, на которые следует обратить внимание для того, чтобы быть уверенным в выборе материала из блога:

- экспертность и личный взгляд автора (биография, образование);
- содержание/контент, (не должен быть «вирусным»);
- регулярность публикаций;
- актуальные темы;
- реклама;
- доступ.

Проведённый анализ позволил выделить рекомендации, который способны помочь преподавателям остановить свой выбор на том или ином блоге:

- наблюдение за ведением блога в течение какого-то времени;
- пролистывание ленты за последний месяц;
- чтение комментариев других подписчиков;
- изучение личности автора блога в других источниках;
- посмотреть на кого подписан автор блога/кто у него/неё в друзьях.

П. В. Сысоев выделяет определённые дидактические свойства и методические функции блогов, которые следует учитывать при разработке методики обучения иностранному языку посредством блог-технологий, однако, на взгляд автора, на их можно ссылаться и при формировании переводческой компетенции будущих СП:

- публичность (доступность и использование для сетевого взаимодействия с преподавателем и студентами);

- авторство и модерация (возможность публикации, редактирования, удаления для индивидуализации учебного процесса);
- мультимедийность (использование разных форм информации: текстовая, графическая, фото-, видео, аудио – большой выбор) [4].

В своей работе исследователь приходит к выводу о том, перечисленные выше дидактические свойства блог-технологии способствуют развитию таких видов речевой деятельности обучающихся, как письмо и чтение, однако, уверенно можно добавить в этот список и перевод, как и устный, так и письменный.

В работе исследователя В. М. Чирковой продемонстрировано деление блогов на конкретные подвиды совместно с функциями:

- 1) блог преподавателя;
- 2) блог студента;
- 3) блог преподавателя-студента;
- 4) блог преподавателя-преподавателя;
- 5) блог учреждения;
- 6) блог «профессионала» [5].

В целях данного исследования особое внимание будет уделено **блогу профессионала**. По словам исследователя – это блог «имеющий популярность в просторах сети Интернет, ведется человеком, хорошо знающим своё дело и делающим поделиться своими полезными советами» [5: 323].

В качестве примера блог «профессионала» рассмотрим популярный среди пользователей блог в Telegram или МАКС каналах «Pro деловой этикет и не только», который посвящен протокольным казусам, этикету, переговорам и межкультурной коммуникации. Нина Шевчук – доцент РАНХиГС, канд. полит. наук (МГИМО), дипломат в отставке, глава МИД Приднестровья в 2012–2015 гг. Она имеет большой опыт работы в области дипломатии и теперь делится своим личным опытом с читателями, анализирует примеры с протокольных мероприятий. Блог наполнен не только большим количеством актуальной информации, но и содержит яркую эмоциональную составляющую, которая мотивирует посетителей блога (бизнесмены, политики, преподаватели, студенты и просто любители хороших манер) к изучению протокола и этикета.

Если преподаватель сможет использовать материалы блога «профессионала», то данный вид деятельности поможет студентам

конструировать знания студентов на основе полученного опыта эксперта, развивать новые идеи и делиться своим мнением с читателями – студентами, используя языковые средства для формирования переводческой компетенции для обсуждения волнующей их темы в области этикета и протокола. Однако для того, чтобы выбрать текст, при необходимости, перевести его на его на иностранный язык, содержащий не просто информацию, а наполненный эмоциональной составляющей, характерной для блогов, необходимы языковые навыки и, соответственно владение иностранным языком на достаточно хорошем уровне (B1+). Поэтому реализация проектов подобного рода возможна, когда студенты уже обладают определённым «багажом знаний».

Перед преподавателем стоит непростая задача – сначала необходимо провести подготовительную работу, включающую знакомство студентов с самой технологией, разъяснения целей и постановку задания, объяснения правил размещения материалов в сети Интернет и правил информационной безопасности.

Принимая во внимание, что значимой целью на занятиях по иностранному языку для будущих СП является формирование переводческой компетенции, то использование блог-технологии раскрывает широкие возможности, как и перед преподавателями, так и перед студентами, которые повышают свой уровень знаний в сфере протокола и этикета.

В качестве упражнений можно предложить следующие упражнения:

- Найдите блог эксперта в области протокола и этикета. Объясните свой выбор.
- Просмотрите видео и выпишите ключевые слова/словосочетания по теме.
- Прочитайте статью и прикрепите в комментарии файл с переводом.
- Под постом напишите реферативный перевод на тему.
- Проанализируйте интеллект карту, переведите все пункты, указанные в ней.
- Найдите полную версию статьи и переведите ей, укажите автора и основные сведения.

Исследователи выделяют преимущества и недостатки блог технологий [2; 3; 7]. Близка для данного исследования позиция исследователя, изложенная Насыбуллиным Р. Э, который отмечает в своей работе преимущества, связанные с онлайн-активностью для изучения иностранного языка [2]. В целях данного исследования удалось их несколько видоизменить (для формирования переводческой компетенции будущих СП). Таким образом удалось выделить следующее:

- быстрое развитие переводческих знаний и умений;
 - возможность для преподавателей и студентов найти новый материал в области протокола и этикета путём проб и ошибок;
 - расширить мировоззрение и восприятие обучающихся;
 - развить интерес и мотивацию у обучающихся;
 - способность к лучшему пониманию изучения нюансов жанров (устных и письменных), с которыми работает СП;
 - стимуляция самостоятельного изучения;
 - обеспечение общения с экспертом блога и другими экспертами, состоящими в сообществе (возможность связаться напрямую);
 - возможность непрерывного поиска материала;
 - знакомство с большим лексическим разнообразием;
 - изучение разных точек зрения на интересующую тему;
 - бесплатное использование;
 - творческое оформление.
- необходимо выделять недостатки:
- достоверность;
 - поддельные аккаунты;
 - время для выбора;
 - зависимость от электричества и интернета.

Стоит отметить, что огромную помощь может отказать искусственный интеллект, который в настоящее время пользуется огромным спросом среди преподавателей и студентов.

Преподаватель может создать свой собственный блог, где будут делать репост (распространение чужой публикации (записи, картинки, видео)) на блоги экспертов, где будет трансформировать некоторые задания, создавать свои из проанализированного материала.

Важно отметить, что блоги, за которыми может следить преподаватель и студенты, могут быть связаны не напрямую с протоколом и этикетом, это может быть, например: цифровая грамотность, культура, история, традиции, искусство, музей, стиль и др.

За образец автором данной статьи было рассмотрено сочетание алгоритма развития умений письменной речи обучающихся посредством блог-технологии у Сысоева [4] и предложенная Н.Н. Гавриленко [1] структура обучения отраслевых переводчиков (см. табл. 1).

Таблица 1

**Алгоритм формирования переводческой компетенции
будущих СП посредством блог-технологии**

Этап I. Подготовительный На данном этапе необходимо осуществить предварительную подготовку к поиску материала для дальнейшей работы с переводом в сфере дипломатического протокола и этикета, сформировать профессиональную ориентацию и создать мотивацию у обучающихся	
Действия преподавателя • провести информационно-справочный поиск материалов по тематике «протокол» и «этикет»; • выбрать блог «профессионала» согласно критериям; • проанализировать и выбрать подходящую под задачи платформу/соц. сеть; • инструктаж обучающихся по работе с блогом (поиск и размещение материалов, правила соблюдения информационной безопасности в сети Интернет, цифрового этикета и т.д.)	Действия обучающихся • знать правила использования платформ/соц. сетей; • оценить достоверность информации; • внести свои предложения по выбору тем
Этап II. Аналитический На данном этапе важно уметь проанализировать материалы разного формата (устного или письменного высказывания, т.е. текстового, графического, фото-, видео-, аудиоматериала) для того, чтобы определить ключевую информацию и передать отразить её в комментарии/сообщении/прикреплённом файле в виде дипломатического документа, характерного для деятельности СП	

Окончание таблицы 1

Действия преподавателя • производит мониторинг самостоятельной работы студентов, оказывает помощь и консультации, следит. Даёт обратную связь если создан блог преподаватель – студент. • обращает внимание на социокультурную и фоновую информацию	Действия обучающихся • занимаются обработкой, систематизацией, проводят последовательный анализ и занимаются синтезом материала; • находят ключевую информацию для передачи в документе дипломатического протокола. • Имеют возможность редактировать, дополнять друг друга если создан блог преподаватель – студент
Этап III. Синтезирующий На данном этапе необходимо передавать полученную информацию на родном/иностранном языке, составлять необходимые документы и прикреплять их в соответствующем разделе	
Действия преподавателя • акцентировать внимание на тематические термины; • попросить студентов выполнить устный или письменный перевод	Действия обучающихся • выполнить тщательный подробный анализ терминов, поиск эквивалентов; • написать реферат/эссе и прикрепить его в нужном разделе блога
Этап IV. Заключительный. Корректирующий На данном этапе необходимо внести последние исправления и прикрепить окончательный вариант в нужном разделе после всех корректировок и обсуждений с преподавателем, студентами	
Действия преподавателя • проверка и исправление прикрепленных заданий; • оценка выполненной работы по заранее обозначенным критериям.	Действия обучающихся • проанализировать ошибки, озвучить трудности и обсудить результат

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Как и многие информационно-коммуникационные средства, блоги обладают прекрасными дидактическими возможностями, которые следует использовать в образовательной среде вуза в рамках занятий по иностранному языку.

1. Во-первых, материалы блогов можно использовать для создания новых учебных пособий.

2. Во-вторых, для предоставлений дополнительных заданий для самостоятельного изучения студентами или с целью закрепления пройденного материала.

3. В-третьих, блоги позволяют оперативно найти актуальную информацию, проанализировать, обсудить, проанализировать тему с разных точек зрения. С другой стороны, остаются определенные сложности, про которые не нужно забывать: экспертность автора и качество материала.

4. В-четвертых, блог-технология способствует творческому подходу к формированию переводческой компетенции СП, позволяет экспериментировать.

5. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции.

6. Развитие критического мышление – ответственность как след в онлайн пространстве.

7. Повышение уровня мотивации у студентов.

Всё это вносит интерактивный характер и удовлетворяет лексически, коммуникационные запросы педагога и студентов, и соответствует современному уровню владения переводческой компетенция, необходимой современному специалисту службы протоколу для выполнения своих профессиональных обязанностей.

Таким образом, несмотря на непосредственность предназначения блогов в образовательной среде, их вполне можно использовать как для аудиторного, так и для самостоятельного формирования переводческих знаний и умений.

Следует также отметить, что одновременное использование очного и онлайн-формата могли бы принести максимальный результат, чем их использование в отдельности друг от друга.

Внедрение блог-технологии в образовательное пространство вуза, в частности в процесс формирования переводческой компетенции будущих СП, способствует наиболее эффективному решению вопросов оптимизации организации учебного процесса при преподавании данной дисциплины. Ориентация на сетевой контент в настоящее время является очень ответственной и важной деятельностью, как и со стороны преподавателей, так и со стороны учащихся, требующей включения в учебные программы и отведение дополнительного количества часов. Материал из блогов может со

временем выступать не только как вспомогательный материал для ознакомления с аутентичными текстами на занятиях по иностранному языку, но и в дальнейшем, возможно, как основной для того, чтобы студенты могли анализировать актуальную информацию своевременно.

Список литературы

1. Гавриленко, Н. Н. Лингвистические и методические основы подготовки переводчиков с иностранного языка на русский в области науки и техники: На примере перевода с французского языка на русский : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : дис. ... д-ра пед. наук / Наталия Николаевна Гавриленко. – Москва, 2006. – 578 с.
2. Насыбуллин, Р. Э. Блоги как инструмент обучения английскому языку / Р. Э. Насыбуллин // Вестник науки и образования. – 2019. – № 6 (60). – Часть 1. – С. 69–73.
3. Осипова, Е. С. Образовательный блог как эффективное средство обучения письменному переводу будущих лингвистов-переводчиков / Е. С. Осипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9(63). Часть 1. – С. 198–202.
4. Сысоев, П. В. Блог-технология в обучении иностранному языку / П. В. Сысоев // Язык и культура. – 2012. – № 4. – С. 115–127.
5. Чиркова, В. М. Блог-технологии и их использование в практике преподавания иностранных языков в вузе / В. М. Чиркова // Азимут научных исследований : педагогика и психология. – 2021. – Т. 10, № 2 (35). – С. 322–324.
6. Чурганова, М. Д. Интегративная модель формирования переводческой компетенции специалиста службы протокола (английский язык) : специальность 5.8.2 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки, уровень общего образования)» : дис. ... канд. пед. наук / Мария Дмитриевна Чурганова; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – Москва, 2024. – 243 с.
7. Шилина, А. В. Преимущества использование блог-технологии в работе со студентами поколения Z / А. В. Шилина, Г. Х. Сунагатуллина // Общество. – 2021. – № 1 (20). – С. 122–124.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕРЕВОДА: НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩЕЙ КОНЦЕПТ «ПИЩА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ли Сюэ

ассистент

Российского университета дружбы народов

г. Москва

lingxinlx@yandex.ru

***Аннотация:** в статье рассматриваются единицы русского и китайского языков, репрезентирующие концепт «пища». Цель работы – определить роль цифровых инструментов в обучении переводу. На материале слов «饭», «菜», «пища», «еда», «питание», «продукты питания» показаны различия в их семантике, функциях и культурно обусловленных смыслах. Обосновывается лингводидактическая значимость цифровых ресурсов при работе с данной лексикой.*

***Ключевые слова:** цифровые инструменты, обучение переводу, концепт «пища», русско-китайское сопоставление, лексическая семантика, культурная коннотация.*

DIGITAL TOOLS IN TRANSLATION TEACHING: BASED ON THE LEXIS REPRESENTING THE CONCEPT "FOOD" IN RUSSIAN AND CHINESE

Li Xue

Assistant Lecturer

RUDN University

Moscow

lingxinlx@yandex.ru

***Abstract:** the article examines lexical units in Russian and Chinese that represent the concept of "food." The aim of the study is to determine the role of digital tools in translation teaching. Drawing on the lexical items “饭,” “菜,” “пища,” “еда,” “питание,” and “продукты питания,” the study demonstrates differences in their semantics, func-*

tions, and culturally conditioned meanings. The linguodidactic significance of digital resources in teaching this group of vocabulary is substantiated.

Keywords: *digital tools, translation teaching, the concept of “food,” Russian-Chinese comparison, lexical semantics, cultural connotation.*

В преподавании перевода понятие «цифровые инструменты» не имеет единого и узко закреплённого рабочего определения. Согласно проведённым наблюдениям, оно раскрывается через ряд смежных номинаций: «электронные ресурсы», «электронный инструментарий», «цифровые технологии в обучении переводу» и др. В широком понимании под цифровыми инструментами имеются в виду цифровые ресурсы и программные средства, используемые переводчиком на этапах информационного поиска, терминологической обработки, корпусной верификации, создания перевода, редактирования и подготовки текста к передаче адресату. К ним относятся электронные словари и специализированные справочные издания, разноязычные и параллельные корпусные ресурсы, терминологические базы и нормативные глоссарии, CAT-системы, технологии VR и AR, онлайн-платформы, инструменты искусственного интеллекта, а также вспомогательные средства конвертации форматов, OCR и облачной совместной работы [1–6].

Лексические единицы, репрезентирующие концепт «пища» в русском и китайском языках, обладают особой спецификой. Их различия проявляются не только на денотативном уровне, но и в функционально-семантическом, стилистическом, культурном и ассоциативном аспектах. Тесная связь пищевой лексики с повседневной жизнью дополнительно обуславливает её особую значимость в практике переводческой подготовки.

На начальном этапе обучения иностранному языку пищевая лексика, как правило, вводится в составе простых синтаксических моделей, прежде всего предложений типа «что есть что». При этом для первичного ознакомления учащихся с культурой изучаемого языка в учебный материал нередко включаются наименования пищи, обладающие культурно маркированной семантикой. На примере «новейшей лексической программы экзамена по китайскому языку HSK» [7] видно, что уже на первом уровне представлены такие обязательные для усвоения слова, как цзяоцзы (饺子), чай (茶),

фань (饭), цай (菜). Их прямое значение не является сложным, однако связанные с ними культурные смыслы требуют специального объяснения в процессе обучения, поскольку именно они способствуют более глубокому запоминанию и пониманию лексики. Следовательно, работа с подобными единицами на занятиях не должна ограничиваться подбором русского соответствия или усвоением основного значения. Она должна объединять лексическое объяснение, культурный комментарий и употребление слова в конкретном контексте. Так, при объяснении слова цзяоцзы (饺子) важно не ограничиваться указанием на то, что оно обозначает мучное изделие с начинкой. Необходимо показать, что данное наименование связано с представлениями о семейном единении, праздничной трапезе и особенно с традициями Праздника весны. Аналогичным образом слово чай (茶) не может быть сведено только к названию повседневного напитка. В учебном комментарии следует учитывать его связь с китайской чайной культурой, нормами гостеприимства и особенностями употребления в различных коммуникативных ситуациях.

В связи с этим при предъявлении подобных лексических единиц только через переводное соответствие учащиеся могут временно запомнить их языковую форму, однако им трудно в полной мере понять их культурное содержание и реальные границы употребления. Иной результат достигается в том случае, если преподаватель комплексно использует такие цифровые ресурсы, как словарные толкования, изображения, короткие видеоматериалы, корпусные примеры, параллельные тексты и моделирование учебных ситуаций. Работа с этими материалами позволяет направить внимание учащихся на конкретные контексты употребления данных слов, их культурные ассоциации и коммуникативные функции. Это, в свою очередь, способствует переходу от механического запоминания изолированных языковых единиц к осмысленному усвоению слов как единиц, обладающих культурной объяснительной значимостью.

Слова фань (饭) и цай (菜) отличаются высокой частотностью в повседневной речи, однако в китайском языке они не сводятся к обозначению конкретных видов пищи. Эти единицы тесно связаны

со структурой приёма пищи, семейным бытом и устойчивыми речевыми привычками китайцев. При переводе на русский язык фань (饭) и цай (菜) нередко передаются одним словом блюда. В конкретном контексте такое обобщённое соответствие позволяет лишь приблизительно передать значение «содержание питания», но вместе с тем может скрывать различия между фань (饭) и цай (菜) в китайском представлении о пище. Слово фань (饭) не всегда обозначает только определённый продукт. Оно может указывать на рис или другую основную пищу, на отдельный приём пищи, на сам процесс еды, а также входить в состав устойчивых выражений, например чи фань (吃饭), цзо фань (做饭), цзя чан фань (家常饭). Слово цай (菜), напротив, более явно связано с конкретными блюдами, подаваемыми к основной пище, и соотносится со способами приготовления, сочетанием мясных и растительных продуктов, вкусовыми предпочтениями и структурой домашнего стола. Если в переводе обе единицы последовательно передаются словом блюда, учащиеся получают лишь приблизительно понятное соответствие, но не могут в полной мере усвоить базовое различие между фань (饭) и цай (菜) в структуре китайского приёма пищи. В этом случае затрудняется и понимание таких выражений, как «сначала положить основную пищу, затем подать блюда», «еда уже приготовлена», «это блюдо хорошо сочетается с рисом». В них отражается внутренняя логика китайской пищевой культуры. В связи с этим в процессе обучения преподавателю целесообразно использовать корпусные материалы, меню, видеоматериалы и контекстные примеры, чтобы показать учащимся различия между фань (饭) и цай (菜) в объёме значения, сочетаемости и культурной функции. Такой подход позволяет избежать упрощённого сведения китайской пищевой лексики к одной обобщённой русской номинации. С русско-китайской сопоставительной точки зрения в существующих исследованиях уже рассматривались лексические единицы, связанные со значением «пища», на лексико-семантическом уровне. Это показывает, что внутри данного смыслового круга существуют структурные различия, требующие более детального разграничения и анализа. Указанное исследование создаёт основу для дальнейшего рассмотрения способов работы с пищевой лексикой в преподавании перевода. Иными словами, при объяснении слов фань (饭), цай (菜) и

других единиц, входящих в сферу концепта «пища», преподаватель не должен ограничиваться словарным значением и поверхностным подбором переводного соответствия. Необходимо также раскрывать их семантическое распределение в реальном контексте, особенности сочетаемости и культурное содержание.

В то же время на материале русской пищевой лексики видно, что слова *пища*, *еда*, *питание*, *продукты питания* и др. не совпадают полностью по стилевой принадлежности, степени обобщённости и функциональной сфере употребления. Для разграничения этих единиц недостаточно опираться только на словарные толкования. Их различия необходимо рассматривать с учётом конкретного контекста, типичных сочетаний и ситуаций употребления. Так, слово *пища* обычно имеет более обобщённый и книжный характер, а также легче включается в абстрактные или обобщённые контексты. *Еда* в большей степени связана с повседневной сферой употребления, отличается большей разговорностью и конкретностью. *Питание* чаще обозначает не столько сами продукты, сколько способ приёма пищи, структуру рациона, нормы обеспечения и организацию пищевого процесса. *Продукты питания*, в свою очередь, тяготеет к сфере товарной классификации, объективной номинации и нормативного обозначения пищевых товаров в системе их производства и обращения. Все эти единицы относятся к концептуальной сфере «пища», однако в реальном употреблении их функциональные акценты не совпадают. Если в преподавании перевода игнорировать данные различия, учащиеся могут сводить выражения разных семантических уровней и разной стилевой окраски к одному китайскому соответствию. Это приводит к ослаблению смысловой дифференциации, утрате стилистических признаков и может затруднять понимание связанных с ними культурных смыслов.

Таким образом, как китайские слова *фань* (饭), *цай* (菜), *цзяоцзы* (饺子), *чай* (茶), так и русские единицы *пища*, *еда*, *питание*, *продукты питания* не являются простыми и полностью прозрачными средствами номинации. Эти слова, связанные со сферой концепта «пища», в разной степени отражают семантическую дифференциацию, стилевые различия и соответствующее лингвокультурное содержание. В связи с этим в преподавании перевода работа с подобной лексикой не должна ограничиваться словарным толкованием и поверхностным подбором переводного соответствия. С помощью

таких цифровых инструментов, как электронные словари, корпуса, параллельные тексты и сопоставление с результатами машинного перевода, данные единицы необходимо вновь помещать в реальные контексты, где их значение и употребление могут быть рассмотрены более точно. Только при таком подходе учащиеся могут действительно понять функциональный диапазон, условия употребления и культурное значение соответствующей лексики в разных языках и на этой основе сформировать более точное и обоснованное переводческое решение. Ценность цифровых инструментов в преподавании перевода состоит не в замене преподавательского объяснения значения слова, а в том, что они помогают сделать менее очевидные семантические различия, стилевые расхождения и культурные дополнительные смыслы доступными для наблюдения, сопоставления в процессе обучения.

Список литературы:

1. Андреева, Е. Д., Цифровые технологии в переводе: учеб. пособие / Е. Д. Андреева, Я. А. Бузаева. – Оренбург: ОГУ, 2021. – 113 с.
2. Баймуратова, У. С. Электронный инструментальный переводчика: учеб. пособие / У. С. Баймуратова. – Оренбург: ОГУ, 2013. – 120 с.
3. Поэтапное формирование цифровой компетенции переводчика у студентов лингвистических образовательных программ УрФУ / А. Г. Ковалева, Н. В. Обвинцева, С. В. Платонова, К. В. Мурашкина // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 1. – С. 109–116.
4. 贾春巍. 在线工具在翻译课程混合式教学中的应用[J]. 现代商贸工业, 2025, (9): 84-86.
5. 李睿, 刘津梦. 语料库工具在高校科技翻译教学中的应用研究[J]. 海外英语, 2025, (23): 98-100.
6. 张邈. 浅析现代数字技术在语言翻译及教育中的应用[J]. 中国电化教育, 2022, (10): I0011.
7. 中文水平考试HSK考试大纲 (HSK 3.0) // Chinese Test. – URL: https://www.chinesetest.cn/syllabus?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 26.04.2026).

**ТРАНСЛЯЦИЯ РЕАЛИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА CHATGPT-5.2**

Лядова Ольга Николаевна

аспирант 1 курса

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Набережночелнинский институт)

г. Набережные Челны, Республика Татарстан
geheimnis9@mail.ru

Билялова Альбина Анваровна

д-р филол. наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Елабужского института)

г. Елабуга, Республика Татарстан
abill71@mail.ru

***Аннотация:** в данной статье на материале 404 лексических единиц, репрезентирующих реалии донского казачества в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», анализируются переводческие трансформации, применённые системой искусственного интеллекта GPT-5.2. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящее время происходит стремительный рост использования генеративных языковых моделей в практике перевода, включая художественный перевод. При этом переводоведение до сих пор не выработало критериев оценки того, насколько нейросетевая модель способна справляться с передачей культурно-маркированной лексики, иными словами - реалий, которые в процессе перевода требуют использования не лексической эквивалентности, а культурной трансляции. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» даёт обширный материал: казачий быт, диалектизмы, военную терминологию, обрядовую лексику, топонимику. Эти реалии уже становились объектом исследования в сфере переводоведения, однако на материале автоматической трансляции с помощью ИИ не рассматривались. Объект исследования – реалии книг романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Предмет исследования – способы и результаты трансляции этих реалий при помощи генеративной языковой модели ChatGPT. Цель исследования заключается в выявлении и анализе переводческих трансформаций, применяемых нейросетевой моделью ChatGPT-5.2 при передаче реалий*

романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», а также в определении особенностей стратегии перевода культурно-специфичной лексики и оценке степени её семантической адекватности. Для достижения цели поставлены следующие задачи: составить корпус реалий, встречающихся в изучаемом романе; выполнить автоматическую генерацию переводческих соответствий с помощью ChatGPT на английский язык; определить характер проявления «культурной компетенции» языковой модели при работе с реалиями. Методы исследования включают сопоставительный переводческий анализ, элементы корпусной выборки, а также анализ случаев расхождения между автоматическим и антропогенным переводом. Научная новизна состоит в том, что впервые системно анализируется трансляция реалий произведения М.А. Шолохова «Тихий Дон» с помощью нейросетевой модели (ChatGPT) как решение, имитирующее переводческую стратегию и выходящее за рамки поиска лексических эквивалентов. В результате исследования установлено, что наиболее частотными приёмами являются описательный перевод (29,2%), генерализация (21,3%) и лексико-семантическая замена (19,6%). Общая доля адаптационно-пояснительных стратегий достигает 50,5%, что свидетельствует о приоритете функциональной эквивалентности над формальным сохранением национального колорита. Перевод характеризуется высокой семантической точностью, однако фиксируются случаи избыточной генерализации и утраты коннотативных оттенков.

Ключевые слова: переводческие трансформации; реалия; «Тихий Дон»; машинный перевод; культурная адаптация; GPT-5.2.

Lyadova Olga Nikolaevna

1st-year Postgraduate Student

Kazan (Volga Region) Federal University

(Naberezhnye Chelny Institute)

Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan

geheimnis9@mail.ru

Bilyalova Albina Anvarovna

Doctor of Philology, Professor

Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga Institute)

Elabuga, Republic of Tatarstan

abill71@mail.ru

TRANSLATION OF THE REALIA OF M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON" USING CHATGPT-5.2. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract: *this article analyzes translation transformations applied by the GPT-5.2 model to 404 lexical units representing the realia of Don Cossack life in M.A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don". The relevance of this study stems from the rapidly growing use of generative language models in translation practice, including literary translation. At the same time, translation studies has not yet developed criteria for assessing how well neural networks handle culturally marked lexis – in other words, realia that require not lexical equivalence but cultural transposition in the process of translation. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don" provides extensive material: Cossack daily life, dialectisms, military terminology, ritual lexis, and toponymy. These realia have already been the subject of translation studies research, but they have not been examined in the context of automatic AI-driven translation. The object of the study is the realia found in the books of Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don". The subject of the study is the methods and results of translating these realia using the generative language model ChatGPT. The aim of the study is to identify and analyze the translation transformations employed by the ChatGPT-5.2 neural network model in rendering the realia of M.A. Sholokhov's novel And Quiet Flows the Don, as well as to determine the characteristics of its strategy for translating culture-specific lexis and to assess the degree of its semantic adequacy. To achieve this aim, the following tasks are set: to compile a corpus of realia occurring in the novel; to automatically generate translation equivalents into English using ChatGPT; to identify the nature of the language model's "cultural competence" when dealing with realia. The research methods include comparative translation analysis, elements of corpus sampling, and analysis of discrepancies between automatic and human translation. The scientific novelty lies in the fact that for the first time, the translation of realia from Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don" using a neural network model (ChatGPT) is systematically analyzed as a solution that simulates a translation strategy and goes beyond the search for lexical equivalents. The study found that the most frequent techniques are descriptive translation (29.2%), generalization (21.3%), and lexical-semantic substitution (19.6%). The total share of adaptive-explanatory strategies reaches*

50.5%, indicating a priority of functional equivalence over formal preservation of national color. The translation is characterized by high semantic accuracy, although cases of excessive generalization and loss of connotative nuances are recorded.

Keywords: translation transformations; *realia*; "And Quiet Flows the Don"; machine translation; cultural adaptation; GPT-5.2.

Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», ставший художественным воплощением уклада донского казачества, входит в число важнейших произведений мировой литературы XX века. В нём отражена жизнь казачества в период Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 года и Гражданской войны [8]. Произведение отличается множеством действующих лиц, насыщено картинами общественно-политической жизни и сценами мирного труда [5]. М.А. Шолохову с исключительным мастерством удалось передать всю глубину человеческих переживаний на фоне исторических катаклизмов [3].

Поскольку роман насыщен безэквивалентной лексикой, требующей особых переводческих решений, закономерно возникает вопрос о том, способна ли современная языковая модель обеспечить адекватную трансляцию данных языковых единиц. В рамках данного исследования мы изучаем то, как реализуется перевод национально-культурных языковых единиц с помощью нейросетевой модели ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer) [9]. Рассмотрим основные характеристики данного искусственного интеллекта как инструмента генерации текста и перевода.

Как отмечают Е.А. Зуев и М.А. Ефремов, ChatGPT представляет собой языковую модель на основе нейронной сети, разработанную компанией OpenAI, которая предназначена для генерации «человеческого» текста и имеет широкий спектр применения, включая автоматизацию повторяющихся задач, написание отчетов и создание контента. По мнению авторов, использование ChatGPT способно повысить производительность, сократить количество ошибок, а также снизить нагрузку на пользователей, позволяя им сосредоточиться на более важных и сложных задачах [6]. А.Г. Бермус выделяет как сильные стороны ChatGPT (персонализация обучения, автоматизация рутинных процессов, расширение возможностей научной коммуникации, повышение учебной мотивации), так и

связанные с ним риски: возникновение этических проблем, академическая нечестность, утечка данных и снижение когнитивных навыков [1]. Таким образом, в научной литературе сложилось комплексное представление о ChatGPT как о технологическом инструменте, отличающемся значительной функциональной мощностью, однако характеризующемся рядом ограничений и неоднозначностью практических результатов, эффективность которого напрямую зависит от целей, контекста и уровня цифровой грамотности пользователя.

На основе анализа статьи А.Ю. Егоровой, И.М. Зацмана и В.О. Романенко можно сделать вывод о том, что в сфере переводоведения ChatGPT демонстрирует двойственную природу. С одной стороны, данная нейросетевая модель способна выполнять перевод на конкурентоспособном уровне при работе с распространёнными европейскими языками, однако при этом серьёзным ограничением является отсутствие стабильности результатов. Как показано в исследовании, перевод одного и того же текста с помощью ChatGPT может непредсказуемо изменяться с течением времени, причём качество перевода демонстрирует вариативность, как правило, при отсутствии положительной динамики. Это ставит под сомнение надёжность ChatGPT как самостоятельного инструмента для выполнения переводов без последующей экспертной верификации. Таким образом, с точки зрения переводоведения, ChatGPT рассматривается как вспомогательное средство, которое следует применять с критическим отношением к результату [4].

В рамках нашего исследования мы исследуем качество перевода национально-культурных реалий романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» при помощи нейросетевой модели ChatGPT.

Теоретической основой анализа данного исследования послужила классификация переводческих трансформаций, предложенная В.Н. Комиссаровым в работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)», где различаются лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. Согласно данной типологии, к лексическим трансформациям относятся транскрипция и транслитерация, калькирование, а также лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция). Грамматические трансформации включают синтаксическое уподобление (до-

словный перевод), членение и объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения). К комплексным лексико-грамматическим трансформациям Комиссаров относит антонимический перевод, экспликацию (описательный перевод) и компенсацию [7].

Наиболее репрезентативные типы трансформаций были выявлены в проанализированном корпусе реалий. Отбор лексических единиц осуществлялся в соответствии со следующими критериями:

1) наличие национального колорита – реалии выступают носителями уникальных черт быта, культуры и истории определённого народа, оставаясь «чуждыми» для представителей иной лингвокультуры;

2) отсутствие прямого эквивалента в других языках [2].

Для иллюстрации типологии применённых трансформаций в тексте статьи приводится сокращённый вариант таблицы, включающий 50 репрезентативных лексических единиц из общего корпуса, включающего в себя 404 реалии.

Таблица 1

**Переводческие трансформации при передаче реалий романа
«Тихий Дон»**

№	Русское слово	Перевод	Трансформация
1	карша	scrub, brushwood	лексико-семантическая замена
2	курган	burial mound, barrow	описательный перевод
3	обдонье	deep river hollow	описательный перевод
4	ендовы	lowland hollows	описательный перевод
5	непролазь	impenetrable thicket	описательный перевод
6	уруб	forest clearing	описательный перевод
7	стремина	steep slope	описательный перевод
8	богородицина травка	thyme	генерализация
9	яр	steep ravine	конкретизация

Продолжение таблицы 1

№	Русское слово	Перевод	Трансформация
10	займище	floodplain meadow	описательный перевод
11	ерик	narrow river channel	описательный перевод
12	дурнопыан	henbane	лексико-семантическая замена
13	голощечины	bare slopes	описательный перевод
14	увал	long rolling hill	описательный перевод
15	стынь	cold hollow	описательный перевод
16	татарник	thistle	лексико-семантическая замена
17	марь	goosefoot weed	конкретизация
18	будылья	dried stalks	описательный перевод
19	повитель	dodder	лексико-семантическая замена
20	медянка	slowworm	конкретизация
21	бурьян	wild weeds	генерализация
22	гумно	threshing floor	описательный перевод
23	воробьиный щавель	sheep sorrel	лексико-семантическая замена
24	донник	sweet clover	лексико-семантическая замена
25	хмелина	hop vine	описательный перевод
26	черноярье	black-soil ravine land	калькирование
27	полынья	ice hole in a river	описательный перевод
28	талы	willows	генерализация
29	суходол	dry valley	калькирование
30	буерак	gully	конкретизация
31	крыга	ice floe	лексико-семантическая замена
32	холмистый изволок	rolling upland slope	описательный перевод
33	куга	marsh grass	генерализация
34	кургашек	small burial mound	добавление

Окончание таблицы 1

№	Русское слово	Перевод	Трансформация
35	кулига	forest clearing	описательный перевод
36	собачья бесила	black nightshade	лексико-семантическая замена
37	толока	communal pasture	описательный перевод
38	стежка	footpath	конкретизация
39	музга	damp lowland	описательный перевод
40	улеш	forest edge	описательный перевод
41	сурчина	marmot burrow land	описательный перевод
42	шлях	highway	конкретизация
43	чернолист	black-leaved plant	калькирование
44	замеиное око	adder's eye	калькирование
45	тыква-травянка	wild gourd	конкретизация
46	Парамоновская ссыпка	Paramonovskaya grain depot	транслитерация + добавление
47	Невский проспект	Nevsky Prospect	транслитерация
48	Воронеж	Voronezh	транслитерация
49	Азов	Azov	транслитерация
50	Азовское море	Sea of Azov	калькирование

В ходе количественного анализа 404 лексических единиц, отобранных из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», была установлена частотность применения типов переводческих трансформаций при передаче реалий с помощью системы GPT-5.2.

Таблица 2

Частотность переводческих трансформаций при передаче реалий

Тип трансформации	Количество	%
Описательный перевод	118	29,2
Генерализация	86	21,3
Лексико-семантическая замена (словарный эквивалент)	79	19,6
Калькирование	61	15,1
Транскрипция / транслитерация	32	7,9
Комбинированные трансформации	18	4,5
Конкретизация	10	2,4

Как следует из данных таблицы, описательный перевод и генерализация в сумме составляют 50,5% всех приёмов, что может свидетельствовать о направленности изучаемой нейросетевой модели

не на дословный перевод, а на адаптацию содержания реалии для инокультурного реципиента. Описательный перевод (29,2%) наиболее востребован при передаче этнографических реалий («одношум» – “single-bag soldier”), предметов материальной культуры («тарантас» – “long-distance carriage”, «баишлык» – “hooded cloak”), природных объектов, не имеющих прямых аналогов в англоязычном ландшафте («обдолье» – “deep river hollow”, «полынья» – “ice hole in a river”). Ключевое преимущество данного приёма заключается в том, что он позволяет точно передать значение реалии, однако его недостатком становится избыточная описательная развёрнутость и, как следствие, утрата образности и стилистической окраски оригинала. Генерализация (21,3%) преобладает в социальной и военной сферах: «мужик» → “peasant”, «урядник» → “NCO” (в ряде случаев “Cossack NCO”), «сотник» → “company commander”. Генерализация облегчает восприятие текста иноязычным читателем, но при этом утрачивается детализация казачьей иерархии – смысловые различия между позициями «урядника», «вахмистра» и «подхорунжего» в переводе не дифференцируются. Лексико-семантическая замена (19,6%) используется при наличии узуальных межъязыковых соответствий, закреплённых в исторических или религиозных контекстах: «скоряк» → “furrier”, «аксельбант» → “aiguillette”. Такие замены оправданы и не нарушают адекватности. Калькирование (15,1%) характерно для топонимики («Красный Лог» – “Red Ravine”), военных институтов (пехотный полк – “infantry regiment”), устойчивых словосочетаний («камень алтор» – “altar stone”). Калькирование позволяет дословно перевести составные части иноязычного слова или словосочетания, чтобы читатель мог понять, как устроена реалия, даже если он с ней не знаком. Транскрипция и транслитерация (7,9%) применяются к именам собственным (Воронеж – “Voronezh”), историческим терминам («атаман» – “ataman”, «опричники» – “oprichniki”). Их минимальная частотность объясняется ориентацией на доступность перевода: транскрибированные слова требуют либо внутритекстового пояснения, либо фоновых знаний. Комбинированные трансформации (4,5%) представлены преимущественно сочетанием транслитерации с родовым добавлением: «Хопёр» – “Khopyor River”, «курень» – “Cossack hut”, «шапка» – “shashka sabre”. Использование данной трансформации позволяет сохранить локальный колорит при одновременном уточ-

нении семантики. Конкретизация (2,4%) встречается редко, например, «*шлях*» – “highway” (вместо “road”), «*буерак*» – “gully”: большинство реалий изучаемого произведения не имеют в английском языке более узких соответствий, чем те, что предлагаются обобщёнными или описательными эквивалентами.

Анализ достоинств и недостатков перевода, выполненного нейросетевой моделью ChatGPT, позволяет сделать следующие выводы: к достоинствам следует отнести высокую семантическую адекватность: подавляющее большинство переводов корректно передаёт денотативное значение реалии, а ошибки, которые ведут к искажению смысла, носят единичный характер. Последовательное применение описательного перевода и генерализации для безэквивалентной лексики обеспечивает читателю понимание текста без привлечения дополнительных справочных материалов. Целесообразное использование калькирования и транскрипции для ключевых культурных маркеров («*атаман*», «*есаул*», «*станция*») позволяет сохранить национальный колорит «казачества». Корректная передача топонимов и исторических названий (использование транслитерация и/или добавление родового слова для рек и населённых пунктов) способствует однозначной идентификации типа географического объекта.

Вместе с тем выполненный перевод обнаруживает ряд недостатков. Избыточная генерализация в ряде случаев обуславливает утрату дифференциальной информации. Так, лексема «цесаревич» переведена как “*crown prince*”, тогда как в русской исторической традиции данный термин обозначает исключительно наследника сына императора, а не любого претендента на престол. Единица «бурки» передана как “*felt boots*” (букв. «валенки»), однако в действительности бурки представляют собой специфическую разновидность валяной обуви с кожаным голенищем, либо высокие войлочные сапоги. Кроме того, отмечается стилистическая нейтрализация: описательный перевод нередко упрощает экспрессивно окрашенные диалектизмы. Например, «кляузник» передан как “*quarrelsome informer*”, при этом утрачивается просторечная коннотация исходной лексической единицы.

В целом, можно сделать вывод о том, что нейросетевая модель GPT-5.2 демонстрирует высокий уровень понимания культурной специфики и владение основными переводческими приёмами. Перевод пригоден для ознакомительного чтения при условии последующего редактирования специалистом по казачьей культуре.

Проведённый количественный и качественный анализ перевода 404 реалий романа «Тихий Дон», выполненного системой GPT-5.2, показал преобладание таких трансформаций, как описательный перевод и генерализация, – 50,5%, что составляет более половины всех применённых переводческих приёмов. Вспомогательными переводческими приёмами выступают лексико-семантическая замена, калькирование и транскрипция, что обеспечивает высокую степень семантической доступности для англоязычного читателя ценой частичной утраты национального колорита.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ переводческих стратегий различных нейросетевых моделей (например, DeepL, Yandex GPT, Google Gemini), а также изучение динамики качества перевода реалий при обновлении версий ChatGPT.

Список литературы

1. Бермус, А. Г. Преимущества и риски использования ChatGPT в системе высшего образования: теоретический обзор / А. Г. Бермус // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 9, вып. 8. – С. 776–787.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Р. Валент, 2006. – 448 с.
3. Демидов, Д. Д. «Тихий Дон» М. А. Шолохова в переводах и проблема адаптации этно-культурологических реалий произведения для англоязычной аудитории / Д. Д. Демидов // Язык и мышление в контексте полилога: сборник научных статей / под ред. П. Ш. Алиевой [и др.]. – Курск, 2025.
4. Егорова, А. Ю. Машинный перевод с помощью ChatGPT: мониторинг воспроизводимости результатов / А. Ю. Егорова, И. М. Зацман, В. О. Романенко // Системы и средства информатики. – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 119–124.
5. Ермолаев, Г. С. Михаил Шолохов и его творчество / пер. с англ. Н. Т. Кузнецовой, В. А. Кондратенко. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000.
6. Зуев, Е. А. Работа с помощью Chat GPT / Е. А. Зуев, М. А. Ефремов // Современные информационные технологии и информационная безопасность : сборник научных статей 2-й Всероссийской конференции (28 февраля 2023 года). – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2023. – С. 39–42.
7. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – Москва : Высш. шк., 1990. — 253 с.
8. Полякова Е. А., Золина М. С. Особенности перевода реалий (на материале романа М. Шолохова «Тихий Дон») // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2020. – № 16.
9. OpenAI. ChatGPT : сайт. – URL: <https://chatgpt.com> (дата обращения: 01.04.2026).

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК НОВЫЙ ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕК В КОНТУРЕ

Петренко Богдан Павлович

аспирант кафедры теории и практики перевода
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Челябинская область
mebopetrenko@gmail.com

Научный руководитель

Ремхе Ирина Николаевна

д-р филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики перевода
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Челябинская область
rilix@mail.ru

Аннотация: в статье изучается влияние больших языковых моделей (LLM) на индустрию перевода. Рассматриваются технологические преимущества и недостатки LLM в рамках осуществления перевода, а также адаптивность данных моделей к существующим переводческим решениям. Центральное место в статье занимает модель «человек в контуре», объясняющая и обуславливающая изменения роли переводчика-человека и его профессиональных компетенций.

Ключевые слова: большие языковые модели, машинный перевод, человек в контуре, индустрия перевода, переводческие компетенции.

LARGE LANGUAGE MODELS AS A NEW TRANSLATION TOOL WITHIN THE HUMAN-IN-THE-LOOP MODEL

Petrenko B.P.

post-graduate student
Department of Theory and Practice of Translation
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk
mebopetrenko@gmail.com

Scientific advisor

Remkhe I.N.

Doctor of Philology Sciences
Associate Professor at the Department
of Theory and Practice of Translation
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk
rilix@mail.ru

Abstract: *the article examines the impact of large language models (LLMs) on the translation industry. It analyses the technological advantages and limitations of LLMs and their adaptability in terms of integration into existing translation technologies. Particular attention is paid to the human-in-the-loop model, which explains and conceptualises the evolving role of human translator and their professional competencies.*

Key words: *large language models, machine translation, human-in-the-loop, translation industry, translation competencies.*

Введение

Стремительное развитие больших языковых моделей (LLM) обеспечило высокое качество машинного перевода (МТ). Вместе с тем это привело к постановке вопроса о целесообразности и границах применения данной технологии в переводческой практике, обусловленного ее технологическими преимуществами наряду с рисками, возникающими при генерации недостоверного или стилистически неадекватного результата. На текущий момент в индустрии перевода происходит постепенный переход от рассмотрения технологии LLM в качестве автономного инструмента к поиску баланса между автоматизацией и участием эксперта-человека. Этот баланс концептуально представлен в модели «человек в контуре» (англ. “human-in-the-loop”, “HITL”), обеспечивающей гармоничное сосуществование двух участников процесса перевода: человека и искусственного интеллекта (ИИ). В данной статье производится попытка представить анализ технологических преимуществ и ограничений LLM как инструмента перевода, а также их влияние на отрасль с целью обоснования роли HITL для развития профессиональных компетенций переводчика.

Эффективность LLM в рамках осуществления перевода

Большие языковые модели (LLM) возникли сравнительно недавно, однако уже вызвали масштабную дискуссию в научном сообществе. В настоящее время исследователи подробно изучают технологию, стремясь не только объективно оценить качество перевода, доступное с ее помощью уже сейчас, но и проследить долгосрочное влияние, которое LLM могут оказать на профессию переводчика в обозримом будущем.

С точки зрения анализа результатов работы LLM в рамках осуществления перевода в актуальных исследованиях отмечаются как положительные, так и отрицательные аспекты такого подхода. Помимо теоретических рассуждений, встречающихся в научных трудах, ценность для понимания проблемы представляют собой и наблюдения практикующих переводчиков, интегрирующих LLM в свою профессиональную деятельность. Например, специалисты компании по переводу и локализации “Janus Worldwide” подготовили публикацию, в которой провели сравнительный анализ LLM и традиционных систем машинного перевода (MT). В данном материале отмечается, что перевод, выполненный с помощью LLM, зачастую отличается большей естественностью и адаптивностью синтаксических структур [2]. Одной из ключевых особенностей LLM является меньшее стремление к сохранению эквивалентности на основе загруженных двуязычных корпусов текстов – свойство, которое считается характерным для классических систем MT [2].

Указанные достоинства находят подтверждение в отечественном исследовании, подготовленном Н.А. Абросимовой и А.Д. Липченко. Авторы подчеркивают естественность формулировок с точки зрения норм языка перевода (ПЯ), а также относят к преимуществам улучшенную грамматическую согласованность и качественную проработку терминологии [1]. В целом, современные исследователи сходятся во мнении, что LLM обладают потенциалом для обработки больших объемов текста и, в сравнении с системами MT, демонстрируют большую эффективность при работе с контекстуально-зависимыми связями.

Существование данной тенденции подтверждается независимыми тестами на основе бенчмарков, т.е. специализированных систем оценки эффективности работы систем MT и LLM. Одной из подобных систем является бенчмарк “DiBiMT”, оценивающий точность перевода многозначных лексических единиц в рамках определенного контекста. Согласно данным, представленным на официальном сайте “DiBiMT”, LLM демонстрируют превосходство над системами MT по качеству перевода с английского языка на китайский, итальянский, испанский, словенский, болгарский и нидерландский (исключениями являются русский и немецкий языки) [7].

Наряду с достоинствами, исследователи отмечают и серьезные недостатки, характеризующие выполненный LLM перевод. Так, группа ученых из Китая провела масштабное исследование, в рамках которого был выполнен анализ эффективности LLM при работе с литературными текстами. Результаты эксперимента показали, что, несмотря на существенное улучшение качества перевода новых моделей в сравнении с их старыми версиями и преимущества, которыми они обладают перед системами MT, рассматриваемым LLM не удалось превзойти результаты переводчика-человека [12]. Итоговые варианты перевода, подготовленные LLM, характеризуются избыточным буквализмом, недостаточным лексическим разнообразием и неспособностью адаптировать текст под требуемый стиль [там же]. Помимо наблюдений в академических кругах, о рисках предупреждают и практикующие переводчики. Так, в публикации компании “Janus Worldwide” подчеркивается, что несмотря на кажущуюся естественность предлагаемых LLM вариантов перевода, особенности функционирования моделей («генерация», а не «перевод» в привычном смысле) провоцируют риск возникновения «галлюцинаций», т.е. феномена включения в текст перевода отсутствующей в оригинале информации [2].

На текущем этапе развития LLM не существует однозначного ответа на вопрос о том, удастся ли устранить указанные недостатки в будущем. Тем не менее, исследователи достигают относительного согласия в вопросе целесообразного использования технологии в переводческой практике с учетом негативных аспектов работы существующих моделей. В упомянутой ранее работе исследователей из Китая отмечается, что «осторожное» использование LLM в перспективе может принести положительные результаты – например, способствовать увеличению объемов переводимой художественной литературы на малоресурсные языки [12]. Под «осторожным» использованием ученые понимают применение LLM в качестве вспомогательного инструмента, способного предлагать альтернативные варианты перевода и выполнять рутинные задачи, характеризующие переводческую деятельность [12].

Обоснованность данной позиции подтверждается негативным опытом, отраженным в существующих исследованиях. Например, исследование Индийской научной группы, посвященное оценке эффективности применения LLM для перевода медицинских текстов (в частности, протоколам радиологических исследований),

выявило серьезные ошибки в интерпретации сложных терминов [9]. Авторы справедливо отмечают, что подобный перевод медицинских текстов может привести к врачебным ошибкам [9]. В работе подчеркивается необходимость строгого контроля качества экспертом-человеком, а также акцентируется внимание на ответственном отношении к формулированию запросов (промптов) LLM, являющихся определяющим фактором эффективности работы моделей.

Таким образом, анализ рассмотренных исследований демонстрирует возрастание роли переводчика-человека в рамках применения LLM для решения переводческих задач. Изначально воспринимаемые как системы автоматического перевода, LLM все отчетливее перемещаются в область систем автоматизированного перевода. Необходимость контроля работы технологии как на стадии подготовки к переводу (формулирование промпта), так и на стадии работы с полученным текстом (контроль качества и постредактирование) подводит к идее сосуществования человека и LLM при осуществлении перевода. В рамках данной концепции эксперт-человек использует вычислительный потенциал моделей как эффективный, но требующий контроля вспомогательный переводческий инструмент. Особая значимость этой концепции подчеркивается стремительным развитием LLM и их возрастающим влиянием на индустрию перевода.

Влияние LLM на индустрию перевода

Существенное влияние LLM на современную индустрию перевода прослеживается прежде всего в эволюции самой технологии, а также принципов ее распространения. Представляется, что стратегии развития наиболее крупных моделей все в большей степени учитывают потенциал, которым LLM обладают в области перевода. Подобная тенденция выражается как в постепенной модернизации моделей и расширении обучающих данных для конкретных языковых пар, так и в публикации официальных руководств. Наличие таких материалов, призванных облегчить рядовым пользователям взаимодействие с LLM в рамках выполнения перевода, может свидетельствовать о стремлении разработчиков снизить «порог вхождения» в данную технологию. Для развития индустрии это потенциально означает постепенную демократизацию переводческих инструментов, аналогичную процессу широкого распространения сервисов онлайн-перевода. Однако ключевое различие между LLM

и классическими системами МТ, находящимися в открытом доступе («Яндекс Переводчик», “Google Translate”, “DeepL” и др.), заключается в границах применения технологий: LLM, в отличие от систем МТ, способны выполнять куда более широкий спектр задач, связанных с переводом. Расширение доступности подобных переводческих услуг, обладающих потенциалом изменить модель потребления переводческих продуктов, таит в себе особую опасность, вызванную недостатками функционирования LLM и недостаточным пониманием принципа осторожного использования технологии. Так, пользователь, не обладающий экспертными знаниями, может принять сгенерированный LLM текст за полноценный перевод, не осознавая рисков галлюцинаций, стилистической неадекватности и ошибок в терминологии, о которых речь шла выше.

Примером реализации данной стратегии может служить отечественная LLM “GigaChat”, которая располагает сразу двумя базами знаний (руководствами) в открытом доступе. Первая из них содержит общую информацию о модели и ориентирует пользователей при ее использовании, в то время как вторая ориентирована на профессиональную среду и компании, заинтересованные в интеграции “GigaChat” в собственные технологические продукты. Примечательно, что в обоих руководствах содержатся материалы по использованию модели при выполнении перевода. Например, в разделе «Нейросети для перевода» объясняется процесс создания перевода с помощью LLM, описываются принципы, которыми руководствуется модель при подготовке текста на ПЯ, а также приводятся примеры выполнения перевода письменного, устного и перевода по изображению [3]. Это свидетельствует в пользу стремления представить LLM не просто как альтернативу, а как качественный инструмент.

В материале «GigaChat – переводчик на базе нейросети: обзор, сравнение и тест» перечисляются достоинства этого метода перевода [8]. Среди них выделяются характеристики, которые считаются слабыми сторонами классических систем МТ: способность к самостоятельному поиску материалов в открытом доступе, возможность подбора синонимов или иных вариантов перевода по запросу пользователя, а также непрерывное обучение модели через регулярные проверки результатов работы системы профессиональными лингвистами [8].

Определенный интерес для анализа представляет предусмотренная разработчиками возможность интеграции “GigaChat” в сторонние программные разработки. Обозначив потенциальную эффективность применения технологии в ряде сценариев, авторы материалов рассматривают внедрение модели в собственные продукты в качестве одного из компонентов создания эффективных технологических решений. Однако при рассмотрении перечня предлагаемых задач, которые возможно автоматизировать с помощью модели, прослеживается некоторая особенность: задачи, выполнение которых зачастую невозможно без участия профессионального переводчика, напрямую не выделяются. Вместо этого основной фокус данного перечня направлен на вспомогательные процессы, включающие в себя обработку документации и корпоративной почты, помощь в генерации необходимого материала на английском языке и поиск информации в зарубежных источниках [3].

Подобный подход к интеграции LLM в сторонние решения может указывать на тот факт, что на данный момент разработчики склонны рассматривать LLM в качестве вспомогательного инструмента, а не автономной замены переводчику-человеку. Это подтверждается указанием в упомянутых материалах “GigaChat” на существующие ограничения моделей и определенные недостатки их функционирования. В частности, разработчики подчеркивают, что для достижения результата, в полной мере отвечающего профессиональным стандартам, сохраняется необходимость в контроле работы LLM экспертом-человеком, в то время как использование технологии для автоматизации всего спектра задач, решаемых в рамках переводческого процесса, на текущий момент представляется нецелесообразным [3].

Тем не менее, данная тенденция заслуживает внимания, так как она может свидетельствовать о постепенном формировании частичной конкуренции между переводчиком-человеком и LLM. В ситуации, когда заказчик получает доступ к альтернативным решениям, может возникнуть ситуация пересмотра модели потребления переводческих услуг. Подобный выбор, доступный широкому кругу пользователей, является одним из проявлений возрастающего влияния LLM на индустрию перевода. В свою очередь, данная тенденция свидетельствует о необходимости определенного пересмотра переводческих компетенций, отвечающих современным стандартам.

Другим важным наблюдением является влияние LLM на уже существующие технологии перевода. В 2024 году компания «Яндекс» интегрировала нейросети семейства “YandexGPT” в сервис онлайн-перевода «Яндекс Переводчик» [6]. Эта интеграция была нацелена на решение фундаментальной проблемы систем МТ — ограниченности контекста, который машина способна обрабатывать. В 2025 году состоятельность подобного подхода была подтверждена упомянутым ранее бенчмарком “DiBiMT”, признавшим «Яндекс Переводчик» лидером по качеству перевода в языковой паре английский-русский [11].

Практикующие переводчики также подтверждают тенденцию постепенной интеграции LLM в деятельность профессиональных переводчиков. В частности, они отмечают, что LLM укрепляют тенденцию, заданную классическими системами МТ — постепенное сведение задач переводчика-человека к обработке, оценке и редактированию созданного машиной текста. Согласно недавней публикации специалистов переводческого бюро «Фларус» под названием «Состояние индустрии переводов в 2025 году», LLM и системы МТ прочно закрепились в качестве обязательного компонента процесса перевода: технологии выполняют подготовку чернового варианта перевода, в то время как переводчикам-людям отводится ответственная задача постредактирования [5].

Все вышеперечисленные тенденции — от технологических изменений существующих переводческих технологий до трансформации роли и компетенций специалистов — возвращают нас к идее о сосуществовании LLM и человека как единого механизма современной индустрии перевода.

Модель «человек в контуре» как будущее перевода

Проведенный анализ преимуществ и недостатков LLM, рисков их использования и возможностей интеграции в сторонние программные решения, а также масштабного влияния технологии на индустрию перевода, позволяет предположить, что в настоящее время происходит формирование качественно новой модели профессиональной деятельности переводчика. Как было отмечено ранее на примерах исследований, проведенных в Индии и Китае, а также материалах разработчиков модели “GigaChat” и публикациях практикующих переводчиков, индустрия постепенно адаптируется к появлению LLM. Ключевая идея, объединяющая указанные работы, заключается в становлении единой системы, в рамках

которой переводчик-человек и LLM выступают в качестве взаимодополняющих элементов. Данная модель, получившая название «человек в контуре» (англ. “human-in-the-loop”, “HITL”), предполагает использование LLM в качестве вспомогательного переводческого инструмента, способного обеспечить определенный баланс между автоматизацией и экспертной оценкой человеком [10].

Необходимость участия человека в рамках осуществления перевода с помощью LLM обусловлена, помимо всего прочего, природой ошибок, свойственных подобным технологиям. Даже наиболее продвинутые системы способны допускать ошибки, потенциально приводящие к серьезным последствиям [9]. Менее значительными, однако неизбежно влияющими на качество итогового перевода, являются ошибки при интерпретации многозначных слов и искажения синтаксического и стилистического характера [4].

Вместе с тем, современные LLM трансформируют процесс редактирования, предлагая инструменты и возможности, выходящие за рамки классических систем МТ. Ввиду особенностей функционирования, модели позволяют выявлять и исправлять грамматические ошибки, избавлять текст от излишней формализации, улучшая читаемость, а также в той или иной мере, при правильной настройке, адаптировать текст под нужный стиль значительно быстрее в сравнении с человеком [4]. В отличие от человека, которому требуются значительные временные затраты для вычитки целого текста, LLM способны практически мгновенно проанализировать его на предмет лексического однообразия (единства терминологии), а при необходимости и вносить требуемые правки на основе заданного ранее глоссария. Однако, как подчеркивалось в материалах разработчиков “GigaChat”, данные преимущества не позволяют использовать LLM в качестве автономного инструмента: для того, чтобы итоговый перевод отвечал профессиональным стандартам, требуется строгий контроль экспертом-человеком.

Эффективность LLM измеряется специальными метриками оценки качества машинного перевода, как было продемонстрировано на примере бенчмарка “DiBiMT”. Тем не менее, подобные тестирования не способны в полной мере оценить стилистику, естественность и адекватность предлагаемого машинами перевода [4]. Следовательно, данная роль сохраняется за переводчиком-человеком, так как именно его экспертная оценка способна выявить недо-

ступные алгоритмам особенности оригинального текста, что подтверждает статус модели «человек в контуре» как наиболее целесообразной методики применения LLM в переводческой практике.

Использование модели «человек в контуре» предполагает следование определенным этапам осуществления перевода, включающих в себя не только генерацию LLM предварительного, чернового варианта перевода, но и использование других переводческих инструментов (например, САТ-систем) для проведения итогового контроля качества [10]. Несмотря на существующие опасения относительно будущего переводческой профессии, данная парадигма закрепляет за переводчиком-человеком роль не просто редактора машинного перевода, а связующего звена, ответственного за принятие ключевых и финальных решений в рамках качества перевода и его соответствие требованиям заказчика.

Модель «человек в контуре» безусловно отражает технологический прогресс, связанный с развитием предлагаемых решений в области перевода. При этом отмечаются существенные изменения внутри профессии переводчика. Параметры экспертности расширяются от навыков владения языками и перевода в сторону умения эффективно управлять современными технологиями искусственного интеллекта (ИИ). Это предполагает наличие у профессионального переводчика широкого спектра компетенций, начиная от знания принципов промпт-инжиниринга, заканчивая владением инструментами автоматизированного контроля качества.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в настоящее время индустрия перевода претерпевает фундаментальные изменения, в рамках которых ключевым вектором развития становится модель «человек в контуре». Изучение преимуществ и ограничений современных LLM наглядно показывает, что высокая эффективность используемых алгоритмов не исключает, а, наоборот, подчеркивает важность участия в процессе перевода эксперта-человека. Современные тенденции в индустрии не ведут к вытеснению человека технологиями ИИ, а постепенно перераспределяют профессиональные компетенции и обеспечивают изменения, происходящие в профессиональной деятельности переводчика. Будущее профессии видится в гармоничном сосуществовании человека и LLM, в рамках которого за первым сохраняется от-

ответственность за принятие ключевых решений, а последние выступают в качестве эффективного инструмента, оптимизирующего рутинные задачи и поддерживающего человека на каждом этапе осуществления перевода.

Список литературы

1. Абросимова, Н. А. Оценка качества машинного перевода и перевода, выполненного с помощью больших языковых моделей (на материале медицинского академического текста) / Н. А. Абросимова, А. Д. Липченко // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2025. – № 4(129). – С. 129–137.
2. Машинный перевод vs ИИ-перевод: в чем разница? / Переводческая компания «Янус». – URL: <https://janus.ru/publications-ru/mashinnyj-perevod-vs-ii-perevod-v-chem-raznica/> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Нейросети для перевода / Решения для бизнеса: технологии и сервисы для компаний от экосистемы СберБанка. – URL: <https://help.prom.app.sberdevices.ru/help/gigachat-api/ai-translator> (дата обращения: 18.04.2026).
4. Постредактирование машинного перевода / Lingvanex. – URL: <https://news.flarus.ru/?topic=12172> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Состояние индустрии переводов в 2025 году / Flarus. Новости переводов / Рынок профессиональных переводческих услуг. – URL: <https://news.flarus.ru/?topic=12172> (дата обращения: 18.04.2026).
6. Яндекс представил новую версию машинного перевода, обученную с помощью YandexGPT / Компания Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/company/news/02-07-06-2024> (дата обращения: 18.04.2026).
7. DiBiMT. – URL: <https://nlp.uniroma1.it/dibimt/public/leaderboard> (дата обращения: 18.04.2026).
8. GigaChat – переводчик на базе нейросети: обзор, сравнение и тест / ГигаЧат – русскоязычная нейросеть от Сбера. – URL: <https://giga.chat/help/articles/ai-for-translation> (дата обращения: 18.04.2026).
9. Gupta A. Comparative Evaluation of Large Language Models for Translating Radiology Reports into Hindi / A. Gupta, A. Rastogi, H. Malhotra, K. Rangarajan // Indian Journal of Radiology and Imaging. 2024. №35(1). P. 88–96.
10. Human-in-the-Loop AI Translation in 2025: How It Works and Why It's Essential for Accuracy / Professional Translation Services - Translation Company. – URL: <https://www.tomedes.com/translator-hub/human-in-the-loop-ai-translation> (дата обращения: 18.04.2026).
11. YandexGPT стала лучшей в мире нейросетью для англо-русского перевода, согласно независимому исследованию DiBiMT / Компания Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/company/news/01-21-02-2025> (дата обращения: 18.04.2026).
12. Zhang R. How Good Are LLMs for Literary Translation, Really? Literary Translation Evaluation with Humans and LLMs / R. Zhang, W. Zhao, S. Eger // arXiv. 2024. URL: <https://arxiv.org/html/2410.18697v1> (дата обращения: 20.04.2026).

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БО ЦЗЮЙИ «ФИНИКОВАЯ ПАЛЬМА В АБРИКОСОВОМ САДУ»

Скворцов Арсений Владимирович

доктор литературы (КНР), доцент

Московский городской педагогический университет

г. Москва

***Аннотация:** настоящая работа посвящена изучению трудностей прозаического перевода танских стихотворений с классического китайского языка на русский на материале стихотворения Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду». Научная новизна обусловлена тем, что трудности прозаического перевода танских стихотворений на материале этого произведения ранее не выступали в качестве предмета изучения. В результате выполненного исследования показано, что основные трудности перевода можно поделить на три типа: синтаксические, стилистические и лексические. Синтаксические трудности связаны с необходимостью восстановления опущенных подлежащих, а также с тем, что в отдельных строках положение цезуры, устанавливаемое правилами синтаксиса и нормами танского стихосложения, является различным. Стилистические трудности заключаются в том, что буквальный перевод на русский язык, верно передавая смысл стихотворения-первоисточника, противоречит нормам стилистики русского языка и требует своего уточнения путем добавления лексем, отсутствующих в исходном тексте. Лексические трудности связаны с переводом на русский языковых лакун. Такие трудности разрешались с помощью описательного перевода. В ходе выполненного исследования значительная часть переводческих трудностей была снята посредством использования двух методов: разбора по непосредственным составляющим и анализа параллелизма.*

***Ключевые слова:** классический китайский язык, анализ по непосредственным составляющим; танская поэзия; классификация словосочетаний классического китайского языка; трудности перевода с классического китайского языка на русский; параллелизм; Бо Цзюйи.*

TRANSLATION DIFFICULTIES OF TAN POEMS BASED
ON BAI JUYI'S WORK "THE DATE PALM
IN THE APRICOT ORCHARD"

Skvortsov A. V.

Doctor of Literature docent

MCU

Moscow;

Abstract: *this work is devoted to the study of the difficulties of prose translation of Tang poems from Classical Chinese into Russian, based on the poem "The Date Palm in the Apricot Orchard" by Bai Juyi. The scientific novelty of this work lies in the fact that the difficulties of prose translation of Tang poems have not previously been studied in this context. The results of this research show that the main translation difficulties can be divided into three types: syntactic, stylistic, and lexical. Syntactic difficulties are associated with the need to restore omitted subjects, as well as with the fact that the position of the caesura, which is determined by the rules of syntax and the norms of Tang poetry, varies in different lines. Stylistic difficulties arise from the fact that a literal translation into Russian, while accurately conveying the meaning of the original poem, contradicts the norms of Russian stylistics and requires clarification by adding lexemes that are not present in the original text. Lexical difficulties are associated with the translation of linguistic lacunae into Russian. These difficulties were resolved through descriptive translation. In the course of the study, a significant portion of the translation difficulties was resolved through the use of two methods: immediate constituents analysis and parallelism analysis.*

Keywords: *Classical Chinese, analysis by immediate constituents; Tang poetry; classification of phrases in Classical Chinese; difficulties in translating from Classical Chinese to Russian; parallelism; Bai Juyi.*

Актуальность настоящего исследования объясняется тем, что танские стихотворения продолжают переводить на русский язык и в настоящее время. При этом переводы разных авторов обладают как достоинствами, так и недостатками. Нередко несколько переводчиков создают собственную версию одного и того же поэтического текста. Однозначно утверждать, чей перевод является лучшим, невозможно. Одни переводчики на первый план ставят эстетическую оболочку перевода стихотворения, другие — точную

передачу смысла. Третьи пытаются сочетать эти два плана, которые находятся в противоречии. Таким образом, актуальность настоящего исследования является очевидной.

Объектом исследования выступает стихотворение Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду». Предмет исследования – трудности прозаического перевода этого произведения на русский язык.

Цель исследования – выполнить классификацию трудностей прозаического перевода танских стихотворений на материале этого произведения и указать способы их преодоления.

Для достижения этой цели решались следующие задачи: 1) разобрать все строки

этого стихотворения от малого к большому; 2) выполнить прозаический перевод стихотворения на русский язык; 3) классифицировать встреченные трудности перевода.

В ходе выполнения исследования использовались следующие методы: 1) анализ по непосредственным составляющим; 2) анализ параллелизма и иных средств художественной выразительности; 3) сопоставительный метод; 4) метод перевода.

Теоретическая база исследования представлена работами: [1–10].

В статьях [1; 3–5] на материале переводов какого-то одного танского стихотворения, выполненных разными авторами, изучаются трудности перевода и выполняется оценка его качества. В настоящем исследовании автор идет по другому пути. Он самостоятельно выполняет прозаический перевод стихотворения Бо Цзюйи и описывает трудности, с которыми он столкнулся, а также указывает способы их преодоления.

В работе [2] рассматривается более сложный для изучения объект – семисложное стихотворение Ду Фу, содержащее восемь строк, – а также ставится задача более высокого порядка – выполнить поэтический перевод этого произведения.

Книга [7, с. 128–130] содержит весьма полезный комментарий к изучаемому стихотворению, знакомство с которым способствовало пониманию его смысла автором настоящего исследования.

Книги [8] и [10] использовались автором в процессе выполнения синтаксического анализа всех строк изучаемого стихотворения по непосредственным составляющим.

Работа [9] позволяет ближе познакомиться с творчеством Бо Цзюйи, так как содержит не только комментарий к его избранным стихотворениям, но и их перевод на современный китайский язык.

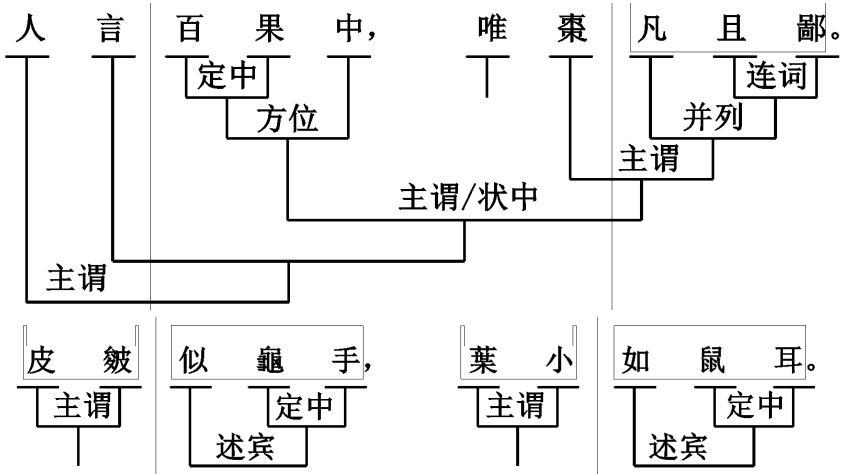
Практическая значимость выполненного исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в процессе выполнения прозаического перевода танских стихотворений на русский язык, а также при чтении лекций по древнекитайскому языку.

Прежде всего, приведем текст стихотворения-первоисточника.

《杏園中棗樹》白居易

人言百果中，唯棗凡且鄙。皮皴似龜手，葉小如鼠耳。
胡為不自知，生花此園裏。豈宜遇攀玩，倖免遭傷毀。
二月曲江頭，雜英紅旖旎。棗亦在其間，如嫫對西子。
東風不擇木，吹煦長未已。眼看欲合抱，得盡生生理。
寄言遊春客，乞君一回視。君愛繞指柔，從君憐柳杞。
君求悅目豔，不敢爭桃李。君若作大車，輪軸材須此。

На рисунках 1–3 покажем разбор всех строк этого стихотворения по непосредственным составляющим.

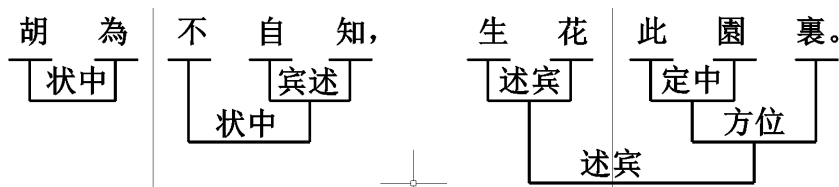
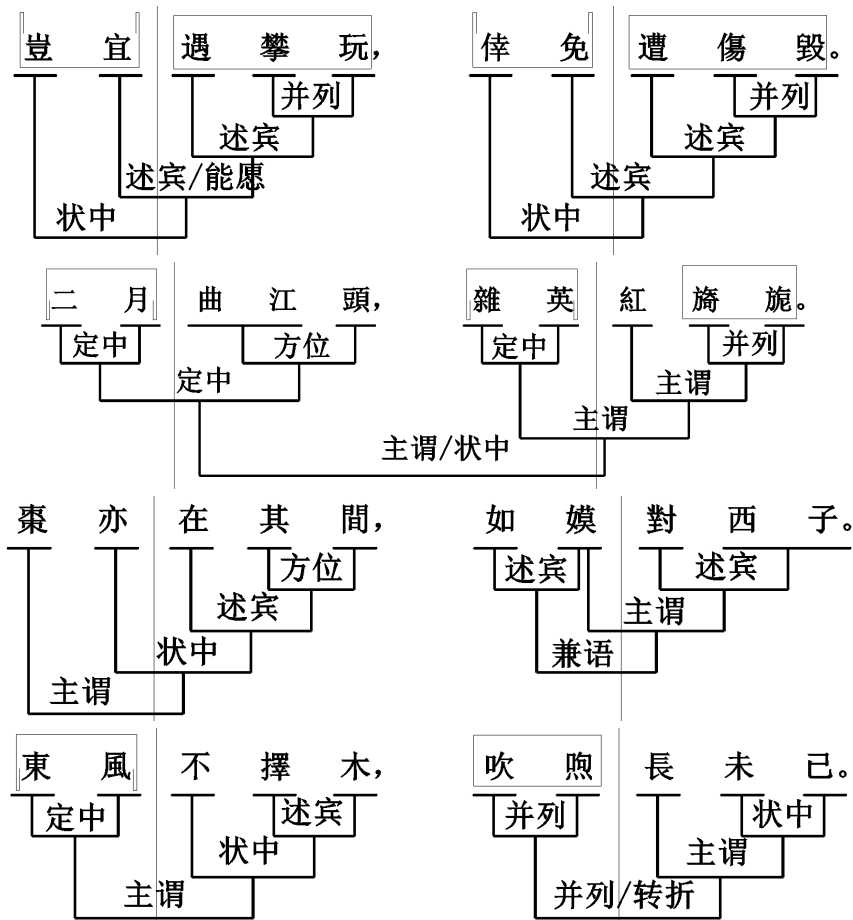

Рис. 1. Синтаксический анализ строк 1–6 стихотворения Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду»

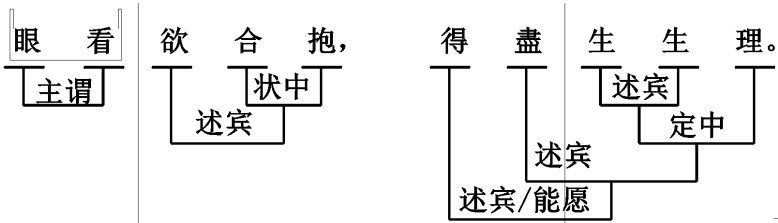

Рис. 2. Синтаксический анализ строк 7–16 стихотворения
Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду»

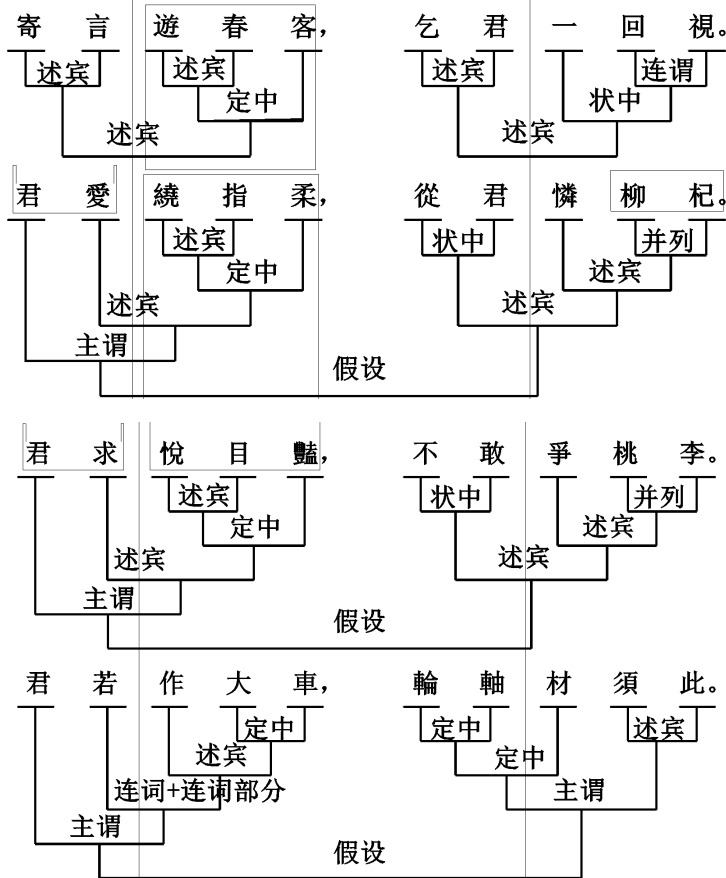

Рис. 3. Синтаксический анализ строк 17–24 стихотворения
Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду»

Прозаический перевод этого стихотворения на русский язык покажем в таблице 1.

Таблица 1

Прозаический перевод на русский язык стихотворения Бо Цзюйи
«Финиковая пальма в абрикосовом саду»

№	Текст стихотворения-первоисточника	Прозаический перевод
1	人言百果中,	Люди говорят, что среди всех плодов
2	唯棗凡且鄙。	Только финики обыкновенны и дики.
3	皮皴似龜手,	Кора [финиковых пальм] шероховата, как лапы черепахи,
4	葉小如鼠耳。	А листья мелкие, как мышьи уши.
5	胡為不自知,	Почему же [это дерево], не осознавая свое положение,
6	生花此園裏。	Распустило цветы в этом саду?
7	豈宜遇攀玩,	Разве будет [кто-либо] любоваться им и лезть на него?
8	倖免遭傷毀。	Оно чудом избежало уничтожения.
9	二月曲江頭,	На втором месяце [по лунному календарю] на берегу реки Цзюйцзян
10	雜英紅旖旎。	Колышутся прекрасные цветы различных деревьев.
11	棗亦在其間,	Финиковая пальма также находится среди них,
12	如嫖對西子。	Словно [уродливая жена Желтого императора] Мому в окружении красавиц Сиши.
13	東風不擇木,	Восточный ветер не выбирает деревья.
14	吹煦長未已。	Он дует и согревает [финиковую пальму], а [та] не останавливаясь растет.
15	眼看欲合抱,	Скоро ее невозможно будет обхватить двумя руками.
16	得盡生生理。	Она смогла полностью соответствовать принципу, согласно которому [всему живому] следует расти и размножаться.
17	寄言遊春客,	Передайте посетителю, пришедшему [полюбоваться] весенними [пейзажами]:

Окончание таблицы 1

№	Текст стихотворения-первоисточника	Прозаический перевод
18	乞君一回視。	Прошу вас обернуться и посмотреть [на эту пальму].
19	君愛繞指柔，	Если вы цените гибкость, при которой [ветви дерева] обвиваются вокруг пальцев,
20	從君憐柳杞。	То я вместе с вами отдам предпочтение иве и дерезе.
21	君求悅目豔，	Если вы ищете красоту, которая будет радовать глаз,
22	不敢爭桃李。	То [финиковая пальма] не осмелится соперничать с абрикосовым и сливовым деревом.
23	君若作大車，	Если же вы [собираетесь] мастерить большой экипаж,
24	輪軸材須此。	То в качестве материала для колесной оси необходимо [выбрать] именно финиковую пальму.

Перейдем к описанию трудностей перевода в этом произведении. Начнем с трудностей синтаксического характера. Перевод строк 14 и 22 требует восстановления опущенных подлежащих. Буквальный перевод строки 吹煦|長未已. следующий: дуть и нагревать | расти, не останавливаясь. Чтобы понять смысл этого стиха, необходимо мысленно добавить подлежащие: [风]吹煦[棗樹]|長未已. Ветер дует и нагревает, а финиковая пальма растет не останавливаясь. После подстановки опущенных подлежащих мы убеждаемся, что между предикативными словосочетаниями, расположенными слева и справа от цезуры имеют место противительные отношения (см. рис. 2).

Строка 不敢|爭桃李 переводится буквально «не сметь соперничать с персиковым и сливовым деревом». При переводе этого стиха в начало строки необходимо добавить опущенное подлежащее 棗樹 (финиковая пальма).

При синтаксическом анализе последней строки (см. рис. 3) цезура смещается на один слог правее ее нормативного положения

при условии, что фрагмент 輪軸/材 (материал (какой?) для колесной оси) является определительным словосочетанием.

Цезуру, на самом деле, можно сместить на один слог влево (輪軸/材須此). В этом случае последняя строка будет переводиться: «Что касается колесной оси, то материал [для нее] должен быть этим [деревом]». Такой перевод является возможным, но он гораздо тяжеловеснее, чем «в качестве материала для колесной оси необходимо [выбрать] именно это дерево».

При изучении структуры фрагментов 君愛繞指柔 и 君求悅目豔 (см. рис. 2 и 3) нетрудно заметить, что синтаксический анализ требует постановки цезуры после первого слога, после лексем 君, так как эта позиция соответствует границе между группами подлежащего и сказуемого. Однако правила стихосложения требуют постановки паузы после второго слога, после глаголов 愛 и 求. В этих строках требования синтаксиса приходят в противоречие с нормами стихосложения.

Обратимся к трудностям, обусловленным стилистическими различиями между вэньянем и русским языком. Фрагменты 遊春/客 и 繞指/柔 выражены определительными словосочетаниями (см. рис. 3). Приведем их буквальный перевод: «посетитель, путешествующий [гуляющий] по весне» и «гибкость, обвивающаяся вокруг пальцев». Стилистика русского языка требует внести коррективы в буквальный перевод следующим образом: «посетитель, пришедший [полюбоваться] весенними [пейзажами]» и «гибкость, при которой [ветви дерева] обвиваются вокруг ладони». Приходится добавлять лексемы, которые отсутствуют в тексте первоисточника, что является весьма нежелательным при переводе стихотворений с вэньяня на русский язык.

Определенные трудности вызывает перевод на русский язык таких языковых лакун, как Си Ши и Мому. Эти символы включают в себя элементы метонимии и аллюзии. Метонимия объясняется тем, что имя Си Ши стало нарицательным обозначением женской красоты, а Мому указывает на женщину, которая имеет непривлекательную внешность, однако обладает высокими моральными качествами. Аллюзия проявляется через отсылки к текстам, в которых повествуется об этих женщинах. Приведем соответствующие примеры:

閭媼子奢，莫之媒也；媼母力父，是之喜也。（《荀子·賦》）Что касается [красавицы] Люй Цзюй и [эндимиона] Цзы Ду, то никто к ним не сватается. Что же касается [уродливой] Мому и [невзрачного] Ли Фу, то все им рады.

故西施病心而躋其里，其里之醜人見而美之，歸亦捧心而躋其里。其里之富人見之，堅閉門而不出；貧人見之，挈妻子而去之走。（《庄子·天運》）Когда у [красавицы] Си Ши заболело сердце, она стала хмуриться на своих односельчан. Среди них была уродливая женщина, которая увидела ее вид и посчитала его прекрасным. Вернувшись к себе, она также стала хвататься за сердце и хмуриться на односельчан. Среди них богатый человек крепко-накрепко закрыл ворота и не вышел к ней, а бедняк, увидев ее, взял жену и детей и бежал с ними прочь.

Сложность понимания аллюзий заключается в неглубоком знании литературной традиции Древнего Китая как переводчиками танских стихотворений, так и русскоязычными читателями.

Строка 12 содержит такие художественные средства, как сравнение (в качестве маркера которого выступает глагол 如 (походить на; словно)) и антитеза, достигаемая за счет антонимов 媼 (Мому) и 西子 (Си Ши). Рисунок 2 показывает, что в этой строке отсутствует параллелизм.

Заметим, что рисунки 1–3 помогают не только лучше понять смысл изучаемого стихотворения, но и обнаружить в нем параллельные фрагменты.

Анализ рисунков показывает, что в строках 3 и 4 одновременно используются такие средства художественной выразительности, как параллелизм и сравнение. В качестве маркеров сравнения выступают глаголы 似 и 如. Что касается синтаксической симметрии, то в качестве параллельных выступают предикативные словосочетания 皮/皴 (кора сморщена) и 葉/小 (листья мелкие), а также глагольно-объектные фрагменты 似/龜手 (походить на лапы черепахи) и 如/鼠耳 (походить на мышиные уши).

В таблице 2 покажем фрагменты, обладающие вертикальным параллелизмом.

Таблица 2

Обладающие вертикальной симметрией параллельные фрагменты
стихотворения Бо Цзюйи «Финиковая пальма
в абрикосовом саду»

№	Параллельные фрагменты		Тип словосочетаний
1	人言 Люди говорят	君愛 Вы любите	Предикативные, сказуемые выражены глаголами
	君求 Вы ищите	眼看 Глаза смотрят	
2	皮皺 Кора морщинистая	葉小 Листья мелкие	Предикативные, сказуемые выражены прилагательными
3	似/龜手 Походить на черепашьи лапы	如/鼠耳 Походить на мышьи уши	Глагольно- объектные с вкраплением определения
	作/大車 Мастерить большой экипаж		
4	遇/攀玩 Подвергнуться любованию и лазанию	遭/傷毀 Подвергнуться порче и уничтожению	Глагольно- объектные, объект представлен параллельным словосочетанием
	憐/柳杞 Жалеть иву и дерезу	爭/桃李 Соперничать с персиковым и грушевым [деревьями]	
5	豈/宜遇攀玩 Разве следует любоваться [пальмой] и лазить [на нее]?	倖/免遭傷毀 Чудом избежать уничтожения	Обстоятельственные; имеют структуру «наречие+глагол+ глагольно- объектный фрагмент»
6	二月 Второй месяц	雜英 Различные деревья	Определительные
7	東風 Восточный ветер; весенний ветер	輪軸 Колесная ось	

Окончание таблицы 2

№	Параллельные фрагменты		Тип словосочетаний
8	寄言 Передать слова	乞君 Просить вас	Глагольно- объектные
	從君 Следовать за вами		
9	遊春/客 посетитель, пришедший [полюбоваться] весенними [пейзажами]	繞指/柔 Гибкость, [позволяющая] обвивать пальцы [обвиваться вокруг кисти руки]	Определительные; определения выражены глагольно- объектными словосочетаниями
	悅目/豔 Красота, радующая глаз		

Изучение таблицы 2 показывает, что в изучаемом стихотворении вертикальной симметрии отводится очень важная роль. Вертикальной симметрией обладают фрагменты, составляющие 60 иероглифов. Анализ строк 4 и 5 позволяет сделать вывод о том, что 遇/攀玩 и 遭/傷毀 представляют собой антонимичные фрагменты, для которых характерен антонимический параллелизм [6, с. 171]. Для двух первых фрагментов, расположенных в строке 3 таблицы 2 характерен синонимический параллелизм [6, с. 171]. Фрагменты в строке 7 таблицы 2 (東風 и 輪軸) характеризуются синтетическим параллелизмом [6, с. 171].

В таблице 3 представим фрагменты, обладающие горизонтальным параллелизмом.

Таблица 3

Обладающие горизонтальной симметрией параллельные фрагменты стихотворения Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду»

№	Параллельные фрагменты		Частеречная принадлежность лексем
1	凡 заурядный	鄙 Дикий	Прилагательные
2	柳 Ива	杞 Дереза	Существительные

Окончание таблицы 3

№	Параллельные фрагменты		Частеречная принадлежность лексем
3	桃 Персик	李 Слива	Глаголы
4	吹 Дуть	煦 Согревать	
5	攀 Лазить, карабкаться	玩 Играть, развлекаться	
6	旖 Развеваться	旎 Колыхаться	
7	傷 Ранить	毀 Уничтожать	

Изучение таблицы 3 показывает, что в изучаемом стихотворении горизонтальной симметрии отводится вспомогательная роль. Фрагменты, обладающие горизонтальным параллелизмом, представлены однородными односложными лексемами. Все фрагменты, представленные в таблице 3, обладают синонимическим параллелизмом. С количественной точки зрения горизонтальная симметрия характерна для 14-ти иероглифов.

Перейдем к изложению выводов. В процессе выполнения прозаического перевода стихотворения Бо Цзюйи «Финиковая пальма в абрикосовом саду» были выявлены трудности: а) синтаксического характера; б) стилистические; в) связанные с наличием языковых лакун. Для преодоления трудностей типа а) следует дополнять разбор всех строк стихотворения по непосредственным составляющим тема-рематическим анализом. Стилистические трудности вызваны тем, что буквальный перевод некоторых строк противоречит стилистике русского языка. Стилистические погрешности снимались с помощью добавления лексем, отсутствующих в тексте первоисточника, а также посредством вычеркивания лексем на взъёме. Трудности, связанные с переводом языковых лакун, разрешались с помощью изучения комментария к исследуемому произведению.

В основе прозаического перевода на русский язык танских стихотворений должен лежать синтаксический анализ всех строк по непосредственным составляющим. Такой анализ позволяет не

только точнее понять смысл каждого стиха, но и определить параллельные фрагменты, на основе которых раскрываются прочие изобразительно-выразительные средства.

Список литературы

1. Скворцов, А. В. Оценка качества передачи смысла в переводах танских стихотворений на русский язык на примере произведения Ду Фу «Гость пришел» / А.В. Скворцов // *Didactica Translatoria*. – 2023. – №4. – С. 45–50.
2. Скворцов, А. В. Новый поэтический перевод и анализ изобразительно-выразительных средств, использованных в стихотворении Ду Фу «Отправляюсь из Ланчжуна» / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2022. – Т. 15. – Вып. 12. – С. 3813–3819.
3. Сунь Цзин. Переводческий анализ танской поэзии в аспекте экопоэтического (на примере стихотворения Ван Вэй) / Сунь Цзин, Ху Гумин // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 4. – С. 126–136.
4. Сюй Лихун. Особенности перевода китайской классической поэзии / Сюй Лихун, Т.И. Казакова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 480–500.
5. Чучина, М. Н. О смысловой полифонии пейзажной лирики Ван Вэя / М. Н. Чучина // *Вестник СПбГУ. Сер. 17*. – 2013. – Вып. 1. – С. 93–97.
6. Эйдли Л.З. Параллелизм в поэзии Бо Цзюй-и / Л.З. Эйдли // *Труды Московского института востоковедения*. – Вып. 3. – 1946. – С. 169–180.
- 7.白居易著, 谢思炜校注. 白居易诗集校注[M]. 北京: 中华书局, 2023. – 2724页 (Бо Цзюйи (автор), Се Сывэй (сверка и комментарий). Свеженный и снабженный комментарием сборник стихотворений Бо Цзюйи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2023).
- 8.杨剑桥. 古汉语语法讲义[M]. 上海: 复旦大学出版社, 2010, 355页 (Ян Цзяньцяо. Курс лекций по грамматике древнекитайского языка. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2010. 355 с.).
- 9.张国举. 唐诗精华注译评. —长春: 长春出版社, 2009, 891页 (Чжан Гоцзюй. Комментарий, перевод и оценка лучших танских стихотворений. – Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2009, 891 с.).
- 10.张玉金. 古代汉语语法学[M]. 广州: 广东高等教育出版社, 2010, 407 页 (Чжан Юйцзинь. Грамматика древнекитайского языка. Гуанчжоу: Гуандун гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2010. 407 с.).

ВЫЗОВЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И ОБРАТНО С УЧЁТОМ ШИРОКОГО СПЕКТРА ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Суаснаvas Лагос Карлос Владимир

магистр, ассистент

КИЯ ИА РУДН им. Патриса Лумумбы

г. Москва

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются основные вызовы, возникающие при переводе между испанским и русским языками, с особым акцентом на сложность, вносимую широким спектром диалектных вариантов испанского языка. В отличие от других языковых пар, комбинация испанско-русского перевода сталкивается с препятствиями, начиная от глубоких структурных различий – надежной системы русского языка по сравнению с более фиксированным синтаксисом испанского – и заканчивая отсутствием прямых эквивалентов для конкретных культурных реалий. Однако фактором, который часто недооценивают, является внутреннее разнообразие испанского языка: его множественные географические, социальные и ситуативные варианты. В статье утверждается, что переводчик должен выступать посредником не только между двумя радикально различными языковыми системами, но и между целой вселенной вариантов испанского языка, что требует постоянного принятия решений о том, какой вариант использовать в качестве языка перевода и как обращаться с диалектными маркерами в исходном тексте. Предлагаются направления для будущих исследований, которые систематически изучали бы взаимодействие между вариативностью испанского языка и специфическими переводческими проблемами пары русский-испанский.

Ключевые слова: испанско-русский перевод, варианты испанского языка, диалектология, художественный перевод, нейтральный испанский, контрастивная лингвистика, культурные реалии (культураны), редакторский перевод.

CHALLENGES AND OBSTACLES IN TRANSLATING FROM SPANISH TO RUSSIAN AND VICE VERSA CONSID- ERING THE WIDE RANGE OF SPANISH VARIETIES

Suasnavas Lagos Carlos Vladimir

Assistant Professor of the Department of Foreign Languages
at the Engineering Academy RUDN University
Moscow

Abstract: *this article examines the main challenges posed by translation between Spanish and Russian, with special attention to the complexity introduced by the wide range of dialectal varieties of Spanish. Unlike other language pairs, the Spanish-Russian combination faces obstacles ranging from deep structural differences –the Russian case system versus the more fixed syntax of Spanish – to the absence of direct equivalents for specific cultural realities. However, the factor that is often underestimated is the internal diversity of Spanish: its multiple geographical, social, and situational varieties. The article argues that the translator must mediate not only between two radically different linguistic systems, but also between a universe of Spanish variants that demand constant decisions about which variety to use as the target language and how to handle dialectal markers in the original text. Future lines of research are proposed that systematically address the interaction between Spanish variation and the specific translational challenges of the Russian-Spanish pair.*

Keywords: *Spanish-Russian translation, Spanish varieties, dialectology, literary translation, neutral Spanish, contrastive linguistics, culturemes, editorial translation.*

1. Introducción.

La traducción entre el español y el ruso ha sido tradicionalmente considerada una combinación «exótica» dentro del mercado traductológico. Esta percepción no es infundada: ambos idiomas pertenecen a familias lingüísticas distintas – romance y eslava, respectivamente – y presentan diferencias estructurales que convierten cada acto traslativo en un ejercicio de reconfiguración profunda del sentido. Sin embargo, la complejidad de este par lingüístico no se agota en las divergencias gramaticales y léxicas. El español, hablado en una extensa zona geográfica que abarca dos continentes, ha desarrollado una pluralidad de variedades que marcan la identidad de cada uno de los

países hispanohablantes. Esta diversidad, lejos de ser un mero dato dialectológico, constituye un desafío de primer orden para el traductor que opera entre el ruso y el español.

El presente artículo se propone abordar de manera integral los desafíos que enfrenta la traducción entre el español y el ruso, prestando especial atención al papel que juegan las variedades del español en este proceso. La hipótesis que guía esta investigación es que la variación interna del español – frecuentemente tratada como un problema secundario o resoluble mediante el recurso al «español neutro» – constituye en realidad un factor que redefine muchos de los desafíos tradicionales de este par lingüístico y añade otros nuevos.

2. El español como lengua de traducción: una cuestión de variedades.

El español es un idioma plural, hablado por cientos de millones de personas en una veintena de países. Esta extensión geográfica ha dado lugar al desarrollo de variedades que difieren en los planos fonético, léxico, morfosintáctico y pragmático. Dirigirse a tantos y tan diversos hablantes supone todo un reto que ha llevado a parte del sector empresarial a optar, con un claro fundamento comercial, por una modalidad «neutra» del español, que funcione de manera inteligible y aceptable para todos sus hablantes.

Sin embargo, la noción de «español neutro» es problemática desde una perspectiva traductológica. Como señalan los especialistas, el español neutro no es un idioma en sí mismo, sino el producto de intentos diligentes de traductores profesionales para seleccionar términos que resulten ampliamente comprensibles. Se trata, en muchos casos, de una quimera que busca eliminar las marcas dialectales para lograr una supuesta universalidad, pero que en el proceso puede despojar al texto de su riqueza y autenticidad cultural.

En el ámbito de la traducción, la utilización de un español «neutro», así como el predominio de unas variantes sobre otras, ha dado lugar a un amplio debate a ambos lados del Atlántico. Este debate es particularmente relevante para la traducción desde el ruso, ya que el traductor debe decidir no solo cómo verter el contenido semántico del texto original, sino también qué variedad de español empleará como vehículo de esa traducción. La decisión tiene implicaciones profundas: optar por el español de España, por el español rioplatense, por el mexicano o por una versión neutral no es una elección neutral en sí misma, sino que condiciona la recepción del texto y su adecuación al público destinatario.

3. Desafíos estructurales entre el ruso y el español.

Antes de adentrarnos en las implicaciones de la variación del español, es necesario considerar los desafíos fundamentales que plantea el par lingüístico ruso-español. Estos desafíos operan en varios niveles.

3.1. Diferencias gramaticales y sintácticas.

Uno de los principales obstáculos en la traducción entre ruso y español surge de las diferencias estructurales entre ambos idiomas. El ruso es una lengua altamente flexiva con un sistema complejo de casos que indican el rol gramatical de sustantivos y adjetivos. En contraste, el español depende más del orden de palabras y preposiciones para transmitir significado. En ruso, las terminaciones de las palabras cambian según el caso, número y género, permitiendo una estructura de oración flexible. El español, sin embargo, sigue un orden más rígido de Sujeto-Verbo-Objeto. Esto obliga a los traductores a reorganizar elementos de la oración durante la traducción para mantener claridad y fluidez en el idioma destino.

La ausencia de artículos en ruso y su presencia obligatoria en español constituye otro punto de fricción. El traductor debe decidir constantemente qué artículo – definido o indefinido – corresponde en cada caso, una decisión que no siempre tiene un correlato directo en el texto original y que puede afectar el matiz del mensaje.

3.2. Falsos cognados y desafíos léxicos.

Los falsos cognados representan un desafío significativo en la traducción entre ambas lenguas. La palabra rusa «магазин» (magazin), por ejemplo, significa «tienda» o «comercio», no «revista» como podría sugerir su similitud con el español. Malinterpretar estas palabras puede generar errores graves. Los traductores deben prestar atención al contexto para evitar equivocaciones derivadas de falsos amigos.

3.3. Expresiones idiomáticas y matices culturales.

Los modismos y frases específicas de la cultura rusa a menudo no tienen equivalentes directos en español. Las traducciones literales pueden confundir o distorsionar el significado. Por ejemplo, el modismo ruso «держат в ежовых рукавицах» se traduce literalmente como «mantener en guantes de erizo», pero en realidad significa «mantener a alguien bajo control estricto». De manera similar, conceptos arraigados en la vida rusa o soviética —como *dacha*, *subbotnik* o *tovarishch*— no tienen equivalentes exactos en español.

Las diferencias culturales complican aún más la traducción: el humor, los modismos y los niveles de formalidad rara vez se trasladan directamente de una lengua a otra. El traductor debe encontrar

equivalentes culturalmente apropiados o reformular las oraciones para transmitir la intención original.

4. La variación del español como desafío específico.

Si las diferencias estructurales entre ruso y español ya plantean obstáculos considerables, la variación interna del español añade una capa adicional de complejidad que merece un tratamiento específico.

4.1. El problema de la selección de la variedad meta.

Cuando un traductor trabaja del ruso al español, se enfrenta a una decisión inicial que condiciona todo el proceso: ¿para qué variedad de español se traduce? Esta pregunta no tiene una respuesta única. Si el texto se destina a un público hispanohablante general, puede optarse por el español neutro. Si se dirige a un país o región específica, la elección de la variedad local será más apropiada. Sin embargo, esta decisión tiene implicaciones que van más allá de la mera preferencia estilística.

El español neutro, como se ha señalado, es una construcción artificial que elimina muchos de los rasgos que caracterizan a las variedades naturales del idioma. Al emplearlo, el traductor puede estar sacrificando la naturalidad y la riqueza expresiva en aras de una comprensibilidad amplia. Por otro lado, optar por una variedad regional específica puede limitar la recepción del texto fuera de esa región y requerir que el traductor posea un conocimiento profundo de las particularidades de esa variedad – no solo en el plano léxico, sino también en el morfosintáctico y pragmático.

4.2. La traducción de marcadores dialectales en textos rusos.

Un desafío particularmente complejo surge cuando el texto original en ruso contiene marcadores dialectales o sociolectales. El ruso, aunque menos dialectalmente diverso que el español – de hecho, se ha señalado que una de las peculiaridades del ruso es la falta de dialectos pronunciados –, presenta variaciones regionales y, sobre todo, diferencias sociolingüísticas significativas entre el lenguaje estándar, el coloquial y el argot.

El traductor debe decidir cómo trasladar estas variaciones al español. ¿Se emplea un registro coloquial general, una variedad regional específica o se recurre al español neutro? La decisión es crucial para preservar la función de los marcadores dialectales en el texto original. Si un personaje en una obra rusa habla con rasgos de una región determinada o con características sociolingüísticas particulares, el traductor al español debe encontrar equivalentes que cumplan una función similar en la cultura meta, lo que requiere un conocimiento no

solo de las variedades del ruso, sino también de las del español y de cómo estas son percibidas por los hablantes.

4.3. La traducción inversa: del español al ruso

Cuando la traducción se realiza del español al ruso, el problema de las variedades se presenta de manera diferente pero igualmente desafiante. El texto original en español puede estar escrito en una variedad específica – español de México, de Argentina, de España, etc. – y el traductor al ruso debe decidir cómo tratar esas marcas dialectales.

El ruso, al ser una lengua con una tradición de estandarización más centralizada y con menos variación dialectal reconocida, ofrece menos recursos para reflejar la diversidad del español. El traductor debe optar entre varias estrategias: neutralizar las marcas dialectales, emplear recursos estilísticos del ruso que sugieran informalidad o regionalidad, o incluso recurrir a préstamos y explicaciones. Cada opción tiene costos y beneficios que deben sopesarse en función del tipo de texto y del público destinatario.

Un aspecto adicional es la traducción de culturemas – elementos culturales específicos – del mundo hispanohablante al ruso. Como señala la investigación en traductología, el análisis de las traducciones de culturemas rusos al español requiere prestar atención a cómo se trasladan las realidades culturales. De manera recíproca, la traducción de culturemas hispanos al ruso exige un conocimiento profundo tanto de la cultura de origen como de la capacidad de la cultura meta para asimilar esos elementos.

5. La enseñanza de la traducción y la formación de traductores.

Los desafíos aquí descritos tienen implicaciones directas para la formación de traductores. La tradición de la enseñanza en Rusia, basada en la traducción y el aprendizaje de la gramática, ha llevado a dar una mayor importancia al análisis contrastivo y, concretamente, al análisis de errores. Sin embargo, este enfoque, si bien valioso para abordar las dificultades estructurales entre ambas lenguas, no siempre incorpora adecuadamente la dimensión de la variación del español.

El Congreso Internacional «Modos de pensar: cuestiones actuales de traducción ruso-español y español-ruso», celebrado en Málaga en 2019, reunió a especialistas de trece países y abordó tres ejes principales: traducción literaria, traducción especializada y recursos de consulta y cuestiones de formación de traductores. La participación de traductores e intérpretes de Argentina, Colombia, Cuba, España y otros países hispanohablantes refleja la necesidad de incorporar perspectivas plurales sobre el español como lengua de traducción.

La formación de traductores debe incluir, por tanto, no solo el dominio de las diferencias estructurales entre ruso y español, sino también una conciencia aguda de la diversidad del español y de las implicaciones de optar por una u otra variedad en cada proyecto de traducción. Esto implica desarrollar competencias metalingüísticas que permitan al traductor tomar decisiones informadas sobre la variedad meta, así como habilidades para manejar los marcadores dialectales en el texto original.

6. Hacia un enfoque integrador.

La investigación en traducción entre el ruso y el español ha tendido a centrarse en las dificultades estructurales entre ambos idiomas, con un énfasis en los problemas gramaticales y léxicos. Sin embargo, como se ha argumentado, la variación del español constituye un factor que merece una atención más sistemática.

Se propone un enfoque integrador que considere la variación del español no como un problema secundario o resoluble mediante el recurso al español neutro, sino como una dimensión central del proceso traductológico. Este enfoque debería:

1. **Reconocer la pluralidad del español** como un hecho lingüístico y cultural que condiciona toda traducción desde o hacia esta lengua.

2. **Desarrollar herramientas** para la toma de decisiones sobre la variedad meta, considerando el tipo de texto, el público destinatario y la función del texto traducido.

3. **Investigar las estrategias** empleadas por los traductores para manejar los marcadores dialectales en ambas direcciones, identificando buenas prácticas y áreas de mejora.

4. **Incorporar la dimensión dialectal** en la formación de traductores, dotando a los futuros profesionales de las competencias necesarias para enfrentar este desafío.

5. **Promover la colaboración** entre traductores de diferentes variedades del español, reconociendo que la diversidad de perspectivas enriquece la práctica traductológica.

7. Conclusiones.

La traducción entre el español y el ruso enfrenta desafíos que van más allá de las diferencias estructurales entre ambos idiomas. La amplia gama de variedades del español – su pluralidad geográfica, social y situacional – introduce una complejidad adicional que el traductor debe gestionar en cada proyecto.

El recurrir al español neutro, aunque extendido por razones comerciales y prácticas, no resuelve el problema de fondo: el español es

una lengua viva y diversa, y cualquier traducción que aspire a la autenticidad y a la adecuación comunicativa debe tomar decisiones conscientes sobre qué variedad emplear y cómo manejar los marcadores dialectales.

La investigación futura debería abordar de manera sistemática la interacción entre la variación del español y los desafíos traductológicos específicos del par ruso-español. Esto requiere estudios empíricos que analicen las estrategias empleadas por los traductores en diferentes géneros y contextos, así como el desarrollo de marcos teóricos que integren la dimensión dialectal en la traductología.

En última instancia, el traductor entre el ruso y el español no solo media entre dos sistemas lingüísticos, sino entre dos concepciones del lenguaje y la comunicación. La riqueza del español reside en su diversidad, y es precisamente esa diversidad la que constituye tanto su mayor fortaleza como el desafío más estimulante para quienes se dedican a la traducción.

Список литературы

1. Polilingua. Desafíos de la Traducción del Ruso al Español en 2025 [recurso electrónico]. – Madrid, 2025. – URL: <https://www.polilingua.es> (дата обращения: 20.06.2026).
2. Tomedes. El español y el ruso – Una combinación exótica pero con elementos en común [recurso electrónico]. – URL: <https://es.tomedes.com> (дата обращения: 20.06.2026).
3. Artikova M. Los problemas culturales en la traducción de las unidades fraseológicas españolas al uzbeko // Actas del XLVIII Congreso de la Asociación Europea de Profesores de Español. – Madrid: Centro Virtual Cervantes. – P. 87–88.
4. Sancho I., Castillo B. Dificultades de los estudiantes rusos durante el proceso de aprendizaje de E/LE // Carabela. – 2002. – No. 52. – P. 61–75.
5. Hernández M., Marín D., Rodríguez M. (eds.). Las variedades del español en la traducción editorial y audiovisual. Políticas, tendencias y retos. – Granada: Comares, 2024. – 468 p. – ISBN 978-84-1369-579-2.
6. I Congreso Internacional «Modos de pensar: cuestiones actuales de traducción ruso-español / español-ruso» [recurso electrónico]: Málaga, 6–7 de septiembre de 2019 / Universidad de Granada, Universidad de Málaga. – URL: <https://hispanismo.cervantes.es/congresos-y-cursos/i-congreso-internacional-modos-pensar-cuestiones-actuales-traduccion-ruso-espanol> (дата обращения: 20.06.2026).
7. Problemas de traducción ruso-español [recurso electrónico] // Scribd. – URL: <https://es.scribd.com> (дата обращения: 20.06.2026).

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Урюпина Анна Дмитриевна

ассистент, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
г. Москва

uryupina_ad@pfur.ru

Аннотация: в статье исследуется влияние экстралингвистических факторов на формирование архитектурной терминологической системы. Автор анализирует социальные, культурные, исторические, экономические и технологические аспекты, определяющие развитие терминологии в архитектурном дискурсе. Особое внимание уделяется стандартизации терминологии, организации знаний и междисциплинарному взаимодействию. На основе теоретического анализа выделены ключевые факторы, такие как глобализация, исторические события и инновации, которые не только формируют терминосистему, но и отражают изменения в профессиональном обществе.

Ключевые слова: терминосистема; экстралингвистические факторы; архитектурный дискурс.

THE INFLUENCE OF EXTRALINGUISTIC FACTORS ON THE FORMATION OF THE ARCHITECTURAL TERMINOLOGY SYSTEM

Uryupina A.D.

assistant lecturer, Peoples' Friendship
University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow
uryupina_ad@pfur.ru

Abstract: The article examines the impact of extralinguistic factors on the formation of the architectural terminology system. The author analyzes social, cultural, historical, economic, and technological aspects that shape the development of terminology in architectural discourse. Special emphasis is placed on term standardization, knowledge organization, and interdisciplinary collaboration. Through theoretical

analysis, key factors such as globalization, historical events, and innovations are identified, which not only shape the terminological system but also reflect societal changes and professional practices.

Key words: *terminological system; extralinguistic factors; architectural discourse*

A terminological system in any specialized domain reflects the level of development of the corresponding science or professional field, as well as the features of its institutional and communicative organization [Tatarinov, 215]. It encompasses classifications, vocabularies, thesauri, nomenclatures, and ontologies, often designed to ensure clarity, consistency, and precision in communication within a given field [Leichik, 96]. In architecture, terms perform not only a nominative but also a cognitive function: they fix the results of professional conceptualization of space, form, structure, style, and technologies.

In the architectural discourse, terminological systems are crucial for several reasons. First, in terms of standardization, they provide a consistent framework for naming architectural elements, styles, and techniques, reducing ambiguity in professional communication. Second, terminological systems contribute to knowledge organization. By categorizing and defining terms, they facilitate the organization and retrieval of architectural knowledge. Third, standardized terminology enables effective cross-disciplinary collaboration between architects, engineers, historians, and other stakeholders. Finally, terminological systems help document and preserve architectural heritage by codifying terms associated with historical styles and practices.

The relevance of this study is determined by the fact that architectural terminology is in a state of constant renewal. This is connected both with changes in professional practices and with the development of science, technology, and international knowledge exchange. Therefore, particular attention should be paid to the factors that lie outside the language system but directly affect the formation and transformation of terms.

The research goal is to identify the main extralinguistic factors influencing the formation of the architectural terminological system. To achieve this goal, the following objectives are set:

1) to define the concept of an extralinguistic factor in terminological analysis;

2) to identify the main groups of factors influencing architectural terminology;

3) to show the connection between sociohistorical changes and the development of architectural terms;

4) to characterize the role of technological and cultural context in term formation.

The scientific novelty of the study lies in the attempt to systematize extralinguistic factors influencing architectural terminology within a single analytical framework that combines social, cultural, historical, economic, and technological parameters. The novelty also consists in clarifying how these factors shape not only the emergence of new terms, but also the structural organization and communicative functioning of the architectural terminological system.

Extralinguistic factors refer to external, non-linguistic influences that shape the development, usage, and evolution of language [Saidova, 99]. These include social, cultural, historical, political, economic, and technological contexts that affect linguistic systems and communication practices [Latu, 127]. In the terminological field, such factors determine not only the emergence of new terms, but also the semantic transformation of existing terms, their fixation in professional usage, and their standardization.

According to interactional sociolinguistics cultural context and social knowledge influence verbal interactions. It highlights the role of contextual presuppositions, such as prior sociocultural experiences and communicative expectations, in shaping language use. Contextualization cues (verbal and non-verbal) are central to understanding how extralinguistic factors impact communication [Jafarova, 45].

Based on diffusion theory, in interlingual relations, diffusion explains how elements from one language are transferred to another due to social interaction or bilingualism. This process involves two stages: interference (deviation from linguistic norms) and integration (adoption into the linguistic system) [Jafarova, 47].

The most significant extralinguistic factors influencing architectural terminology include social, cultural, historical, economic, and technological factors.

Social factors are associated with changes in lifestyle, social structure, demographic processes, and housing. The development of cities, changes in settlement patterns, and increasing demands for the quality of the urban environment lead to the emergence of new terms and the refinement of existing nominations.

Cultural factors shape terminology through artistic traditions, national identity, and aesthetic features. The names of architectural styles and forms often reflect a value system as well as artistic perception. That is why architectural terminology consistently includes units related to cultural heritage.

Historical factors influence the terminological system through changes in historical periods, migration processes, and other major social events. Historical changes not only generate new realities but also reinterpret older concepts, which leads to the expansion or refinement of terminological system.

Economic and political factors affect architectural terminology through industrialization, urbanization, international cooperation, and globalization. In the context of intensive exchange of professional experience, the role of standardized terms ensures precision and unambiguity in international professional communication.

Technological factors play one of the key roles today, since innovations in construction, digital modeling, ecological design, and new materials constantly expand the concepts in architecture. Such terms as “BIM technology”, “sustainable design”, “smart building”, and “green architecture” demonstrates the direct connection between technological development and terminological renewal.

The key extralinguistic factors, which influence the formation of the architectural terminology system, are outlined below:

Table 1

Key extralinguistic factors influencing the formation
of the architectural terminology system

Extralinguistic factor	Influence on term formation	Example
1. Social factors	Language evolves alongside societal changes, reflecting changes in lifestyle, social needs, and settlement patterns.	The rise of the middle class during the 19th century in Europe and North America led to the proliferation of suburban homes. Terms like “row house”, “suburban housing” became common, reflecting societal values of privacy, family life, and affordability

End of the table 1

Extralinguistic factor	Influence on term formation	Example
2. Cultural influences	Cultural identity and heritage play a significant role in shaping terminology and linguistic preferences	Terms like “Baroque”, “Gothic” or “Romanesque” emerged to describe architectural styles that were heavily influenced by the religious and artistic priorities of their time
3. Historical context	Major historical events often introduce new linguistic elements or alter existing ones	After World War II, architectural terms like “brutalism” arose to describe minimalist, functional designs that focused on rapid rebuilding efforts. This style reflected the economic constraints and pragmatic needs of post-war societies
4. Economic and political dynamics	Economic globalization and political integration foster cross-linguistic influences, leading to borrowing or code-switching	Globalization accelerates the spread of linguistic elements across cultures and fosters standardized terms across regions
5. Technological advancements	Innovations lead to new terms in in construction and design	Technological advancements introduce new concepts, e.g. “sustainable architecture”, “smart buildings”, “BIM-technology”, “green buildings”, etc.

The analysis shows that the architectural terminological system is formed under the influence of a complex set of extralinguistic factors, among which social, cultural, historical, economic, and technological factors are dominant. These factors determine not only the formation of

new terms, but also the semantic structure and systemic relations of terminological units.

Thus, architectural terminology represents a dynamic system that reflects changes in professional practice, scientific and technological development. The study of the extralinguistic foundations of term formation makes it possible to better understand the mechanisms of development of specialized vocabulary and to identify patterns in its functioning in contemporary architectural discourse.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц, С. В. Ещё раз к вопросу об определении термина / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – № 3. – С. 710–729.
2. Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения / В. А. Татаринов. – В 3 т. Т. 1–3. – Москва: Моск. лицей, 1994.
3. Jafarova K.A. The role of extralinguistic factors in interlingual relations and theoretical issues of interference / K.A. Jafarova // Linguistics and Culture Review. – 2021. – No. 5(1). – P. 43–52.
4. Latu M. Extralinguistic Factors of Terms Coining / M. Latu // Oriental Studies. – 2015. – No. 8(3). – P. 126–131. (In Russ.)
5. Leichik V.M. On the linguistic substrate of the term / V.M. Leichik // Voprosy yazykoznaviya. – 1986. – No 5. – P. 87–97.
6. Saidova M.U. An Analysis of Extralinguistic Factors in the Formation of Literary Terms in M.H. Abrams's "A Glossary of Literary Terms" / M.U. Saidova, M.Sh. Sattorova // International Journal of Discoveries and Innovations in Applied Sciences. – 2022. – Vol. 2. – No 5. – P. 99–103.

СПИСОК АВТОРОВ

1. Гавриленко Наталия Николаевна – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, nngavrilenko@narod.ru

2. Андриющенко Ирина Станиславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, andryushchenko-is@rudn.ru

3. Бай Юе – учебный мастер, аспирант Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, 117198, bay@rudn.ru

4. Билялова Альбина Анваровна – д-р филол. наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (Елабужского института) 423604, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89 abil71@mail.ru

5. Кадилина Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков Медицинского института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.; доцент кафедры английского языка МГЮА им. О.Е. Кутафина, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1. olgakadilina@gmail.com

6. Комаристая Дарья Артемовна – магистрант 2 курса Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, 355017, ул. Пушкина, д. 1, info@ncfu.ru

7. Корзин Андрей Сергеевич – старший преподаватель кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, korzin-as@rudn.ru

8. Кулиева Мария Дмитриевна – ассистент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва

9. Ли Сюэ – ассистент кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, lingxinlx@yandex.com

10. Лядова Ольга Николаевна – аспирант 1 курса Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережночелнинского института) 423812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, просп. Мира, д. 68/19 (1/18) geheimnis9@mail.ru

11. Петренко Богдан Павлович – аспирант кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, mebopetrenko@gmail.com

12. Ремхе Ирина Николаевна – д-р филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 12, rilix@mail.ru

13. Скворцов Арсений Владимирович – доктор литературы (КНР), доцент Московского городского педагогического университета, г. Москва;

14. Соломатина Анастасия Руслановна – педагог дополнительного образования кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, город Москва, solomatina-ar@rudn.ru

15. Суаснава Лагос Карлос Владимир – ассистент кафедры иностранных языков инженерной академии РУДН, suasnavas-lagos-k@rudn.ru

16. Урюпина Анна Дмитриевна – ассистент кафедры иностранных языков инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, uryupina_ad@pfur.ru

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Коллектив авторов

Чебоксары, 2026 г.

Ответственный редактор *Н. Н. Гавриленко*

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано в печать ??.08.2026 г.

Дата выхода издания в свет ??.08.2026 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 7,44. Заказ К-1485. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428023, Чебоксары, Гражданская, 75

info@maksimum21.ru

